

Денис Тихий
Елена Клещенко
Руны и зеркала
Серия «Зеркало (Рипол)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43254877

Руны и зеркала: РИПОЛ классик; Москва; 2018
ISBN 978-5-386-10491-7

Аннотация

Новый, четвертый сборник серии «Зеркало», как и предыдущие, состоит из парных рассказов: один написан мужчиной, другой – женщиной, так что женский и мужской взгляды отражают и дополняют друг друга. Символы, которые определили темы для каждой пары, взяты из скандинавской мифологии. Дары Одина людям – не только мудрость и тайное знание, но и раздоры между людьми. Вот, например, если у тебя отняли жизнь, достойно мужчины забрать в обмен жизнь предателя, пока не истекли твои последние тридцать шесть часов. Или недостойно?.. Мед поэзии – напиток скальдов, который наделяет простые слова таинственной силой. Это колдовство, говорили викинги. Это что-то на уровне мозга, говорим мы. Как будто есть разница... Локи – злодей и обманщик, но все любят смешные истории про его хитрости. А его коварные потомки

переживут и ядерную войну, и контакт с иными цивилизациями, и освоение космоса.

Содержание

1. Один	8
Денис Тихий. На дне колодца. На вершине горы	11
Денис Тихий. Чипер U-002	29
Елена Клещенко. Если бы молодость знала	58
2. Мед поэзии	109
Денис Тихий. Бестолочь	112
Елена Клещенко. Призыв	156
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Елена Клещенко, Денис Тихий Руны и зеркала

© Клещенко Е., текст, 2017

© Тихий Д., текст, 2017

© Елисеева Е., иллюстрации, 2017

© Дубовик А., художественное оформление, 2017

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2018

* * *

*Заметим одну важную особенность зеркала:
пока я смотрю в него, оно неизменно представляет
мне черты моего лица, но если затем я пошлю это
же самое зеркало своей возлюбленной, ей не удастся
разглядеть в нем мой образ.*

Умберто Эко

Из спальни родителей слышались голоса.

– Это хорошее предложение, – говорил отец. – Наш род не хуже его, но он богаче. Гудбранд привез много добра из Восточных стран, разъезжает в синем плаще и золоченом шлеме. И он сам сказал мне, что не гонится за приданым.

Асгёрд подошла ближе, села на пол и стала слушать.

– Так вот что у тебя на уме. Хочешь отдать нашу дочь за Гудбранда? И будут у него две жены, как у Харальда конунга?

– Как по мне, он немногим уступает конунгу. Но все дело в том, что он овдовел.

– Что случилось с Гудрун Длинноногой?

– Она замерзла насмерть.

– Вот новость! Как это могло случиться?

– Она захотела поехать к родным, началась буря, и лошадь сломала ногу. Сдается мне, вполне могло быть так, как он рассказывает об этом.

– Все видели, что он сделал с рабыней, про которую сказал, что она ему изменила.

Отец сердито хмыкнул.

– Вечно ты мешаешь одно с другим! Это только рабыня, а наша дочь будет женой, по закону и обычаю, с правом на имущество. Гудбранд весь вечер твердил, как ему нужна жена, чтобы смотрела за хозяйством.

– Что ты ответил?

– Пока ничего. Но ты сама знаешь, как у нас обстоят дела, и неразумно было бы дожидаться лучшего...

Асгёрд тихонько поднялась с пола и прокралась к своей постели.

– Я слышал о смерти Гудрун, – сказал Торстейн. Они сто-

ляли на узкой полосе земли, которую занимает море в прилив, между лесом и водой. Шел крупный весенний снег, и Асгёрд накинула плащ себе на голову.

– Все говорят, что ты даешь хорошие советы. Скажи, как мне быть?

– Тебе решать, – отвечал Торстейн, – но я думаю, что тебе найдется место в моей усадьбе.

– У тебя уже есть жена, – только и сказала Асгёрд.

– Между мной и Ингибьёрг не было любви, я женился потому, что ее отец давал хорошее приданое.

– Так ты хочешь развестись с ней?

– Нет у меня причин разводиться с ней. Но если она будет недобра к тебе, может, причина и появится. А между ее и твоими детьми для меня не будет различия. Разве что твоих буду любить больше.

Широко открытыми глазами Асгёрд глядела на него. Торстейн стоял без шапки, волосы и борода у него были темно-русые. А глаза смеялись.

...Снег к утру перестал, следы лошади Торстейна не замело, и нетрудно было заметить, что она несет двойную ношу. Служанка, видевшая, как уходила Асгёрд, получила кольцо в подарок и молчала. Но потом вспоминала, будто напоследок хозяйская дочь сказала так: «Лучше быть наложницей хорошего человека, чем женой плохого».

1. Один

Владыка Один – старший и мудрейший среди богов асов. В обмен на мудрость он отдал свой глаз и сам себя принес в жертву. Он дарит людям знания, награждает героев, но он же и сеет между ними раздор, чтобы испытать их и понять, кто сильнее. Своими заклинаниями Один может обречь человека на гибель или спасти от неминуемой смерти, а мертвого вернуть к жизни.

Денис Тихий. На дне колодца. На вершине горы

Тому, кто думает, что он познал дно человеческой подлости, стоит поискать колодец, ведущий еще глубже.

Шао Ё

Аркадию снился дурной сон. В этом сне он погружался в колодец, протопленный невиданной силой в ледяном панцире Снега-П. Он хотел всплыть к расплесканному небу, но отрицательная плавучесть властно тянула вниз. Из рта выпорхнули стеклянные пузырьки воздуха, и, пересилив приступ паники, Аркадий понял, что может не дышать. Он вытянул руки и сделал несколько резких гребков вниз, силясь разглядеть – что там, на дне колодца? Тьма растворила его, стенки колодца загудели, балансируя между сном и явью, Аркадий понял, что гудит не колодец, а сирена тревоги планетарной станции Снег-П. С последним гребком он вынырнул в реальность, прямо на теплый пол кубрика.

Он прикоснулся к контактной пластине на переборке, и тонкий, сверхпрочный костюм мембранной защиты, скользя по рукам, моментально обнял всё его тело, захлестнувшись прозрачным капюшоном на голове.

Что это за тревоги у нас? А вдруг слетела настройка ре-

актора? Или поврежден контур, и гостеприимная природа Снега-П принялась обживать нижний ярус? Гараж зарастает сиреневой травой, гигантские улитки окружили забытую в «гардеробе» кофейную чашку и пьют на нее свои васильковые глазки. Он чуть не расшиб голову о причудливый извив кабельтрассы на низком потолке в коридоре. Тут сон с него и слетел окончательно. При чем тут реактор? Реактор уже месяц на трехпроцентной мощности. Реактор, граждане, совершенно тут ни при чем. Да и контур не поврежден – тревога не аварийная.

В центральном посту тускло горел дежурный свет. Аркадий уселся в свое кресло и дал щелбана пластмассовому клоуну, которого поставил на своем столе Борис. В воздухе перед лицом Аркадия соткалось рабочее поле бортового компьютера. Цвета отливали в зеленое – надо бы откалибровать проектор, да всё руки не доходили. В центре поля пульсировал сигнал экстренного вызова. Соединение. Появилось лицо напарника и командира экспедиции Бориса Кима.

– Господи, наконец-то, – прошептал Борис.

– Ты где?

– На Террасе Ветров.

– Какого черта?!

– У нас тут зонд отказал.

– Он давно отказал! Мы же завтра идти собирались...

– Долго объяснять! Смотри.

Изображение развернулось. Сначала Аркадий ничего не

разобрал – ноздреватый камень, какая-то черная заиндевовшая лужа и оранжевая ткань скафандра. Потом он понял.

– Твою мать. Что у тебя с ногой?

– Зонд сорвало с подвески, сдуло вниз. Проехал по ноге.

– Защита повреждена?

– Я ногу не чувствую.

– Защита повреждена?!

– Нет. Регенерация повреждена, кажется.

– Сколько у меня времени?

– Двадцать минут. Максимум – двадцать пять.

– Конец связи!

Аркадий влетел в «гардероб», распахнул шкаф и стал топорливо натягивать легкий скафандр, прямо поверх мембранной защиты. В центре комнаты из пола выпростался мерцающий силуэт «гардеробщика».

– Легкие скафандры рекомендуются только для работы внутри контура.

– Знаю, заткнись.

– Температура за бортом минус шестьдесят градусов Цельсия. Скорость ветра двадцать метров в секунду. Если вы собираетесь покинуть контур, настойчиво рекомендую скафандр с экзоскелетом!

Аркадий опустил на голову шлем и прошел сквозь «гардеробщика» в гараж. Экзоскелет – это прекрасно. Только для инициации потребуется десять минут. Десять бесценных минут. Включилось освещение гаража. Так, что тут у нас? Бо-

рис отправился к террасе на двухместном скутере. В углу стоит ЖБ-88 – армейский вездеход по прозвищу Жаба. Вчера Аркадий своими руками снял с него координационный блок, так что Жаба мертв. У противоположной стены на зарядке два легких «прыгуна». Один мигает красной лампочкой, а второй заряжен на четверть – и до террасы не хватит!

Чертов идиот! А ведь любишь к месту и ни к месту вклеить присказку про уставы, написанные кровью! Поставить Жабе блок на место? Сорок минут, если спешить, если без диагностики. Трижды чертов идиот! Аркадий стукнул кулаком по бронированной морде Жабы. Вспыхнули фары, вездеход привстал на восьми ногах.

– Ходюте и ходюте, – сказал Жаба голосом Аркадия. – Запрягаться что ли?

Аркадий заглянул в кабину – координационный блок стоял на месте в полной готовности. Что за чертовщина? Он уселся в кресло, входной люк стянулся тремя лепестками. Как же это его Борис починил? Зачем ученому заниматься работой технаря? Что за чудеса такие у нас происходят? Всё, думать будем потом. Проморгавшись, засветилась приборная панель.

– Быстрый старт! Конечная точка – Терраса Ветров! На максималке!

– Понимаем-с. Потрафим, – сурово сказал Жаба.

За ночь холм, на котором угнездилась Станция, зарос си-

рeneuveй травой. Ветер свистел, ерошил макушку холма, раздвигал и схлопывал в траве коридоры. Жаба мигом пересек километровую тишь контура и припустил в сторону ближайшего леса. Почувяв его, деревья расступались в стороны. Он несся вперед, оставляя за собой след выгоревшей травы. Люди со своей техникой слишком горячи для местной флоры. Вскоре лес остался позади. Жаба перемахнул через неглубокий ручей, на ходу трансформировал колеса, поднял брюхо, пропуская крупный камень, и пошел в гору. Аркадий опрозрачил крышу и нашел Террасу Ветров. Экая нехорошая туча там собирается! «Снег-П обладает непредсказуемой погодой», – говаривал на инструктаже их куратор Анастас Сабирски. Черта лысого! Метеорологический спутник им запускать дорого, вот и вся непредсказуемость.

На пути к пропасти зонд пропахал глубокую борозду. Вдоль нее валялись керамические обломки опоры. Скутер лежал на боку – потом надо будет забрать. Метрах в трехстах от него, на самом краю пропасти посреди выгоревшей травы лежал Борис. Аркадий выпрыгнул из Жабы, пристегнул карабин страховочного троса и побрел к нему против ветра.

– Борис, прием! – сказал Аркадий в шлемофон.

Молчание. Он покосился на индикаторы. Вроде жив.

– Так, я на месте. Вижу тебя.

– Прием... – прошептал призрачный голос.

– Держись, командир. Сейчас тебя подберу. Дует тут у

нас!

– Это точно. Поддувает...

Борису повезло. Прокатись зонд левее – отхватил бы ему голову. Он лежал навзничь, поджав под себя правую ногу. С левой ногой было плохо, а точнее – левой ноги не было ниже колена.

– Привет, старичок, – сказал Аркадий, прижавшись своим шлемом к шлему Бориса. Светофильтр не давал разглядеть его лицо – блин какой-то с двумя дырами.

– Привет, – невнятно ответил Борис. – Что там с моей шагалкой?

– До свадьбы заживет. Ресурса у тебя еще на пять минут, так что тащить буду быстро. Это больно.

– Давай уже!

Под левой ногой натекла небольшая лужица крови, пока скафандр затягивал повреждение. При минус шестидесяти кровь миглом замерзла и намертво приклеила ногу к камню террасы. Аркадий прижал к лужице вибронож – поверхность тут же покрылась паутиной трещин. Потянул ногу раз, другой – освободил. Он ухватил Бориса за ворот и потащил к Жабе. В шлемофоне раздался стон.

– Терпи.

– Выдержу, – просипел Борис сквозь зубы.

Ветер крепчал, вздувал каменный горох, швырял его в забрало шлема. Над головой с какой-то невероятной скоростью вздувался и начинал клочкотать фиолетовый небесный

кипятков. Наконец Аркадий прижался спиной к Жабе.

– Как дела, старичок?

– Вроде жив, – провыл Борис.

– Черт, я не сообразил – надо было пару кадавров активировать. Они бы тебя донесли. Ну, давай, последний рывок!

Он уложил Бориса во второе кресло.

– Воздух пригоден, – сказал Жаба.

– Трогай домой.

– Эт мы завсегда, – ответил вездеход, разворачиваясь на месте.

– Шлем... – прошептал Борис.

Аркадий откинул защитную скобу и стянул с него шлем. Борис был белее сметаны. Аркадий снял свой шлем и забросил его назад. Достал аптечку, вытащил контактную ампулу с обезболивающим, прижал Борису к шее. Ампула зашипела, мутноватое лекарство пошло в кровь. Аркадий извлек ампулу со снотворным. Борис судорожно выдохнул, схватил его за руку.

– Не надо.

– Почему?

– Много информации. Едем.

– Да едем уже. Всё, старичок, уже всё хорошо!

– Хорошо, – прошептал Борис, прикрывая глаза. – Да...

Медицинский модуль, похожий на металлического ежа, повисел над обезображенной ногой, радостно захрюкал, за-

жужжал, принялся аккуратно, по нитке срезать штанину. Аркадий оторвался от панорамной картинки операционного поля и посмотрел на Бориса, вяло поедающего протеиновый йогурт.

– Я не доктор, конечно, но месячишко придется полежать, пока новая нога не вырастет.

– Понятно.

Борис, всегда бодрый, всегда с юмором смотрящий на жизнь, был просто сам на себя не похож. Он пристально, виновато как-то, смотрел на Аркадия. Понятное дело, что виновато!

– Может, расскажешь мне: зачем ты поперся на Террасу? Вернее – зачем ты один туда поперся?

– Сейчас всё расскажу. Только... Дай мне зеркало. Вон – на столе стоит.

Борис повернулся к столу и посмотрел в зеркало – стародавнее, меняющее право и лево. В зеркале отражался Борис с чернющими глазами на белом лице. Там отражался медицинский модуль, порхающий над ним, сшивающий тончайшие капиллярчики плоти. Там отражался даже утилизатор, переваривающий штанину скафандра. Зато там не было Аркадия. Вместо него какой-то шутник поместил в зеркало кадра – андроида с черной надписью на лбу «КА-52». Кукольное и пустое лицо евнуха. Многофункционального, туповатого, предназначенного для работ на агрессивных планетах, средний срок активности пятьдесят два часа.

– Что это такое?! – крикнул Аркадий-кадавр в зеркало.

Это было страшно! Страшно! Страшнее недавнего сна. Страшнее всего на свете.

– Мы пошли вдвоем, как и положено по уставу. Добрались до места, осмотрели зонд. Я начал прозванивать контуры, а ты пошел смотреть, что там с подвесками. Подвески тебя волновали.

– Дальше.

– Я нашел, в чем проблема, и пошел к скутеру. Блоки запасные взять, то-се. И тут ударил ветер. Ты ведь знаешь, как это бывает на Снеге? Я только увидел, что у зонда лопнули подвески, он завалился, встал на ребро и покатился. Как монетка по столу. Ну ясно. Ты был пристегнут страховкой к зонду. Кто же знал, что он упадет? А меня сбила с ног сигнальная мачта. Ну, ты видел. Трепало до самого обрыва, каким-то чудом не утащило. А тебя утащило.

Борис аккуратно сбросил баночку из-под йогурта в пасть утилизатора. Отер лоб.

– До скутера было слишком далеко, да и не смог бы я на нем ехать с одной-то ногой. Со мной связался бортовой компьютер Станции. Он предложил решение. Он сохраняет метемпсихопии. Копии нашей личности, словом...

– Я знаю.

– Да. Он активировал кадавра, стер весь его функционал, а поверх записал твою копию личности, только без се-

годняшних воспоминаний.

– Не знал, что так можно.

– Оказалось, что да – можно. В случае гибели носителя он может пользоваться сознанием для решения жизненно важных задач. Ну а просто отправлять кадавра было нельзя. Он же тупой совсем, пока добрался бы...

– Понимаю.

– Прости.

Аркадий поднялся, провел рукой по совершенно лысой голове. Как же это можно было не заметить, что тело-то абсолютно чужое? Просто не было ни секунды, чтобы задуматься, а ведь чувствовал-чувствовал он какую-то странность. Вот и объяснилось всё, вот и нашелся потерянный день, во время которого он поставил Жабe координационный блок.

– Сколько мне осталось?

– Часов сорок.

– Ладно. Ты спи. Я пойду. Тяжело как-то с этим всем...

Он сел в свое кресло, или в кресло Аркадия? Рабочее поле компьютера привычно замерцало перед лицом. Он перешел на вкладку «Управление станцией», соскользнул в меню «Сервоустройства – Андроиды». Три кадавра устанавливали рефлектор на берегу Пиявочного озера. Один – собирал пробы грунта на границе контура. Четверо зачем-то ходили по кругу на полпути к Террасе Ветров. Кадавр номер 00435 находился на центральном посту в статусе «Носитель». Он

прижал менюшку пальцем, запросил подробности:

>Номер: 00435

> Модель: КА-52

> Статус: Носитель > Задание:?????????

> Время до окончания активности: 36 ч 43 м

> Смена задания: Запрещено

> Состояние задания: Вып.

> Прервать активность андроида?

Аркадий задумался над последним пунктом, ткнул в него пальцем.

> Внимание! Андроид 00435 задание????????? будет отключен. Продолжить?

Нет. Рано еще. Вон мужики рефлектор на Пиявочном озере ставят, а я что – особенный? Пойду, помогу.

Конечно, он не пошел ни на какое озеро. Он сел на «прыгуна», вывел его из гаража. За контуром Аркадий остановился, отстегнул шлем скафандра и положил его на покатый валун. Кадаврам доспехи без надобности. Он вызвал карту местности и проложил недалекий маршрут до безымянной точки. Они с Борисом старались каждому пеньку давать имя. Рекомендация психологов. Но именно до этой точки руки пока не дошли. «Пропась Аркадия»? Почему бы и нет.

«Прыгун» несся по бездорожью, перемахивая через вертлявые речушки и подозрительные ямы, заросшие какими-то шевелящимися пузырями. Как же мало мы знаем про эту

планету. Хапаем-хапаем, столбим всё, до чего только можем добраться, даже не разбираясь толком, что же мы заполучили. Аркадий миновал широкий пляж, на котором грелись исполинские улитки, обогнул скалу, и увидел обломки зонда, лежащие под отвесной скальной стеной пятидесятиметровой высоты. Он остановил «прыгуна» и пошел пешком, широко, как человеку не суметь, перепрыгивая глубокие лужи.

Зонд не подлежал никакому восстановлению. Он переломился в трех местах, окрестные холмики были засыпаны крошечным электронным начинки. Впрочем, зонд интересовал Аркадия не сильно. Он обошел обломки, приподнял мачту в два центнера весом – силища-то! – но не нашел того, что искал. Аркадий забрался на самый большой камень и осмотрелся по сторонам – унылое местечко. Сплошь камни, дыры, да каким-то лиловым мочалом всё заросло. Около самой стены он увидел оранжевое пятно, спрыгнул с камня, побежал.

Труп в оранжевом скафандре лежал на камнях лицом вниз. Аркадий отогнал вездесущих любопытных улиток. Вот и встретились. И даже могилу не выроешь – разве что саркофаг из камней сложить? Будут тут собираться старпёры-одноклассники, оставлять цветочки и пить водку не чокаясь, быстро, приоткрыв забрала шлемов. Спирт тут вроде не замерзает, во всяком случае днем. Аркадий нагнулся над телом, перевернул его на спину, стянул с головы разбитый шлем и понял, что с мыслями о захоронении он поспешил.

Страшно было смотреть в собственное заиндевевшее мертвое лицо. Но куда страшнее была аккуратная круглая дыра во лбу, пробитая рудосборником. Керамическим длинноносым рудосборником, который Борис всегда носил на поясе. Вдруг в какой-нибудь пробе отыщется золото?

Аркадий усадил свой труп на пассажирское сиденье, пристегнул ремнями. Левая рука нелепо торчала в сторону, он аккуратно прижал ее. Мертвые пальцы разжались, из них выпал плоский черный камушек. Аркадий завел «прыгуна» и поехал обратной дорогой, домой к другу и напарнику. К Борису, который катал Нюшку на коленях и вместе с Ленкой перебирал крыжовник на даче. К Борису, который убедил Анастаса Сабирски взять на Снег-П именно Аркадия:

– У Аркадия нет опыта работы в дальнем космосе.

– Зато я его знаю сто лет! Я только на него рассчитывать могу!

«Прыгун» несся вперед, труп стучался коленом о защитный обод. «Кто из нас кадавр-то теперь», – недоумевал Аркадий.

– Станция стоит кучу денег. Результат! Результат любой ценой! – кричал Борис на Анастаса. Теперь было понятно, о какой цене речь. Аркадий – технарь, высокооплачиваемый мускул, обеспечивающий. Борис – мозг, ядрышко, смысл нахождения Станции в этой глуши. Теперь понятен его виноватый взгляд. Интересно, а как он думал жить после всего

этого? Зайдет ли он к Ленке с соболезнаваниями? Погладит ли Ньюшку по голове! Кадавр 00435, временный носитель чужого сознания, завыл, закричал, свело бы горло спазмом, но нет там мышц, заплакать бы, но и слез нет.

Аркадий последний раз посмотрел в свое лицо и закрыл холодильную камеру. Миссия Земли на этой планете временно приостановлена. Скоро на Станцию прибудет толпа ушлых следователей. Двойное убийство – ерунда ли? Аркадий стер иней с лица и рук, поднялся в центральный пост, бросил разбитый шлем на стол. У него не осталось никаких эмоций, он словно умер второй раз, он был просто орудием возмездия – глупого, ненужного, неправильного, такого человеческого. Дверь в медицинский бокс была приоткрыта, Борис спал, изо рта свешивалась ниточка слюны. Аркадий равнодушно посмотрел на него, поднял рудосборник, прижал керамический ствол ко лбу спящего. Палец удобно лег на спусковой крючок, напрягся – замечательно чуткие пальцы у кадавров, на пианино играть можно – пошел-пошел-пошел...

Из центрального поста донесся мягкий звон. Аркадий опустил ствол, сунул рудосборник в карман, вышел в центральный пост. Покрытый грязью шлем мигал зеленой лампочкой, а на рабочем поле компьютера светилась надпись:

- > *Обнаружено свежее обновление метемпсикопии.*
- > *Носитель: Аркадий Томин*
- > *Статус: выб.*

> Статус копии: Носитель 00435, Архив

> Копия в Архиве: Обновлено

> Копия в Носителе 00435: Запрос на обновление
Аркадий опустил в кресло, ткнул грязным пальцем:
«Обновить».

> Носитель 00435 содержит более поздние
личностные данные. Стереть?

– Нет.

> Добавить новые данные в соответствии с
хронологией?

– Да.

> Внимание! Начато обновление данных.

Аркадий пришел в себя от страшной боли в ногах – словно кипятком обварили. Он повернул голову – рядом лежал Борис, его левая нога была неестественно вывернута. Аркадий попробовал приподняться на локте, но ветер прижал, распластал.

– Борис! Борис, прием!

– Есть прием.

– Жив, старичок?

– Ноги не чувствую.

– А я вот наоборот чувствую. Махнемся?

Борис протянул к нему руку, похлопал по плечу.

– Мы влипли, старичок, да?

– Да. Мысли есть?

– Надо ползти к скутеру.

– Думал уже. У тебя сломаны ноги, у меня – тоже как ми-

нимум одна. Ресурса у нас на час, не больше.

– Да, я вижу индикатор.

– Мы не успеем. Максимум – доползем до скутера.

Аркадий посмотрел в бурлящее небо. Когда-то все к этому приходят.

– К черту, поползли! Давай-давай, старичок!

Унизительное, болезненное копошение заняло десять минут. Аркадий замер, переждал, пока успокоится сердце, глотнул соленой воды из патрубка.

– Ты связался со Станцией?

– Да. Нам выслали кадавров навстречу.

– Ждем?

– Уже нет. Они заблудились.

– Значит всё, старичок? Сдаваться?

Борис повернулся к нему, прижался шлем в шлем, заорал так, что голосу в шлемофоне вторило дребезжание забрала:

– А что делать?! Я всё обдумал! Всё! Нас тут пришпилило, как двух жуков! И нет шансов! Всё! Аут! Баста!

– Не ори. У меня есть один вариант. Сегодня утром читал мануал и наткнулся, как нарочно.

– Что?

Аркадий повернулся на бок, чуть не взыв от боли.

– Компьютер пишет метемпсикопии – наши личности.

Что, если...

– Так. Понял. Ты предлагаешь использовать носителя?
Кого?

– Кадавра.

– Это... возможно?

– Да. Такой умненький кадавр легко сюда доберется. На Жабе, скажем.

– Так что же мы ждем?

– Есть нюанс. Компьютер ничего не будет делать с метемпсикопией, пока не зарегистрирует смерть оригинала. Таков закон.

– Хреновый ты нам выход предлагаешь.

Аркадий подключился к компьютеру Станции. На внутренней стороне забрала появились мерцающие строки:

> *Аркадий Томин авторизован.*

– Нужен андроид.

> *К срочной активации готовы 15 андроидов.*

– Нестандартная загрузка.

> *Параметры?*

– Метемпсикопия Аркадия Томина.

> *Обнаружена копия, обращение запрещено.*

– Причина запрета?

> *Закон Федерации 1507.*

– Если не выполнить эту загрузку, мы погибнем!

> *Попытка обращения...*

> *Обращение запрещено.*

> *Активизировать стандартного андроида?*

– Борис!

– Да?

- Ничего не выходит!
- Я тоже пробовал.
- Было бы время, может, удалось бы обойти.
- Времени нет.
- Кому-то надо... Ты понимаешь?
- Да. Я готов.
- Я тоже, старичок.
- У тебя жена и дочь.
- У тебя мать. И не в этом дело. Бросим монетку?
- В радиусе ста парсеков монеток нет.
- Значит, бросим камушек, – Аркадий подобрал плоский булыжник, черный с одной стороны, выгоревший с другой, – поехали, я первый.

Аркадий пришел в себя в кресле. Тихо встал, бросил рудосборник в утилизатор, осторожно прикрыл дверь в медблок.

Солнце на Снеге-П огромное, красное. Оно поднималось из-за моря, заливало холмы багровым сиянием, и деревья сбивались в табунчики, лезли к свету, к жизни. Кадавр 00435 сидел на вершине горы и смотрел вниз, в долину. Он где-то слышал о необходимости искать колодец на дне человеческой подлости. Мол, этот колодец приведет еще ниже, а там, наверное, найдется еще один колодец.

Что же, верно и обратное утверждение, поэтому он сидит на горе.

Денис Тихий. Чипер U-002

гл. О

Роберт Фарнелл, известный среди людей, покупающих новости из корзинок с грязным бельем, как Липучка-Боб, склонился над ярко освещенным столом. Стол, плита полированной шестидюймовой стали, был завален разнообразной научной кишкотнёй: плоскими глянцевыми проводами, медными катушками, какими-то стеклянными кубиками и банками с искрящимся песком наносхем. На свободном пространстве, площадью не больше бутылочной этикетки, между лазерным микроскопом и штативом с грязными пробирками, лежал круглый аппаратик с рычажком и небольшим жидкокристаллическим дисплеем. Аппаратик был размером с небольшую коробку монпансье. Да он, скорее всего, и был смонтирован в этой коробке – профессор Джон Камински собирал свои гениальные изобретения из первого, что попадалось ему под руку.

– Вы сказали – он работает? – спросил Липучка.

– Ага, – хрипло ответил Камински и облизнул губы. – Я его проверил сегодня утром.

– Как он называется?

Камински хрустнул пальцами, скорчил гримасу и яростно

почесал плешивую макушку:

– Не знаю... Э... Чипер! Да, чипер.

– Почему чипер?

– Если дернуть рычажок, то он делает так: «Чип. Чип».

Поэтому – чипер.

Больше всего аппарат профессора Камински был похож на кликер, с помощью которого стюардессы «Пан Ам» считают пассажиров, поднимающихся на борт: «Щелк! – Добро пожаловать! – Щелк! – Здравствуйте, мэм! – Щелк!». Профессор давал своим изобретениям названия по звукам, которые они издавали при работе. В основном его «бубухеры» или, скажем, «тарарахторы» никому кроме него не были нужны. Но однажды Камински собрал «груфффер», который изумленное научное сообщество окрестило «бифуркационным дизъюктором». Камински продал патент правительству США, на вырученные деньги купил противоядерный бункер и десять акров земли вокруг него.

Под землей профессор организовал лабораторию и дом. Питался он продуктами из стратегического запаса – в бункере обнаружили полторы тонны консервированной ветчины, три контейнера томатного супа и центнер армейских сухарей. В тишине и мраке он приступил к самому важному своему проекту, сути которого никто не знал – Джон Камински не подпускал к своему бункеру никого, кроме почтальона и молочника, оставляющих почту и молоко в специальном ящике на хорошо просматриваемой бетонной площадке.

Липучка и Джон Камински были совершенно разными людьми. Липучка едва дождался окончания средней школы. Камински блестяще закончил Вроцлавский университет, а потом, после переезда в Америку, Массачусетский технологический. Липучка любил легких женщин и легкие деньги. Камински любил физику и холодный томатный суп. Липучка зарабатывал на жизнь шантажом, жареными фактами и грязными сплетнями, оформленными в газетные статейки. Камински жил патентами на свои изобретения. Липучка был толст и волосат, как павиан. Камински был тощ и оплешивел в двадцать лет. Профессор Джон Камински не подпустил бы Липучку Боба Фарнела на выстрел из дробовика, не напиши Липучка десять лет назад огромную статью в желтую газетенку «Утренняя звезда». Статья называлась: «Карибский кризис. Чудовищный провал Кеннеди и Макнамары». Профессор прочел статью и пригласил Липучку в гости.

Это была самая странная встреча в жизни Липучки. Профессор дал ему сто баксов, а потом три часа проводил психологические тесты – задавал вопросы вроде: «Один смульвик стоит двенадцать брусек. Сколько смульвиков можно купить за шестьдесят семь брусек?» Показывал карточки с разноцветными пятнами и спрашивал, на что они похожи.

Удовлетворившись результатами, профессор потом два часа распинался о том, как Липучка прав, прав во всех своих выводах. Липучка ел консервированную ветчину и помалкивал – статью он писал вусмерть напившись и теперь смутно

помнил, о чем в ней шла речь.

А вообще Липучка не зря получил свое прозвище – он умел прилипнуть к людям. Профессору давно нужны были свободные уши. Липучке профессор доверял больше всех на свете. Он у него шел первым номером. Это дорогого стоило, если учесть, что вторым и третьим номерами были молочник и почтальон – молоко Камински проверял на масс-спектрометре, а газеты читал в полном комплекте химзащиты.

– Вы слышали, Боб, о теории множественности миров? – спросил профессор, высыпая в колбу растворимый кофе мерной ложечкой.

– Параллельные миры? Я листал книжку. Про лиловые цветы и всё такое. Клифф Симак написал.

– Ненавижу фантастику, – сказал профессор. – Сокровищница вздора. Я говорю о науке. Любой ваш выбор разделяет мир на две линии – в одном мире вы заходите в дверь, в другом – не заходите. Ветвление. Бифуркация, понимаете?

– Понимаю, – сказал Липучка, осторожно принимая колбу с кофе. – Этих миров должно быть до чертовой матери.

– Счетное множество, да. И я открыл способ по нему перемещаться.

– Этот способ называется жизнь, профессор. Мы вечно открываем двери, бросаем монетки и всё такое.

Профессор вытянул губы дудочкой и отпил кофе. Липучка заметил, что он совсем белый, форменный упырь. Раздумывая над своими сопелками и пыхтелками, Камински па-

рил в бетонном колодце над пятидесятифутовой бездной: на дне колодца стоял могучий вентилятор. Камински уговаривал Липучку попробовать, но тот не смог себя заставить. Летящий скелет. Граф Дракула на диете из томатного супа.

– Сейчас растолкую, – сказал Камински.

Он сгреб на пол пачку лабораторных журналов, шлепнул на стол блокнот и мигом нарисовал маленького человечка, с двумя кружочками, черным и белым, перед лицом. Под рисунком он написал: «Плато О».

– Это вы, Боб. Перед вами на столе два шара разного цвета. Какой выберете?

– Белый, ясное дело.

Камински нарисовал две острых стрелочки и двух человечков: напротив верхней стрелочки с белым шаром в руке, а напротив нижней стрелочки – с черным. Под первой стрелкой он написал: «Событие А1», под второй: «Событие А2».

– Как видите – мир разделился на две линии.

– На три, – сказал Липучка.

– Почему?

– Я могу вообще не брать шары.

– Э... Да. Конечно. Но для простоты возьмем два варианта.

– Ладно, если для простоты, то возьмем два.

– Допустим, что белый шар означает ваш проигрыш, а черный – выигрыш. Если выбрали белый, то придется как-то с этим жить. Но если у вас есть чипер... – Профессор оскла-

бился и поцокал языком.

– Что тогда? – спросил Липучка.

– Вы делаете шаг назад. Чип-чип! – Камински нарисовал обратную стрелочку, – И выбираете нужный шар.

– Выходит, что чипер – машина времени? – спросил Липучка.

– А вот и нет! Логическая нестыковка! Послушайте, я же давал вам читать статью этого математика, Джона Нэша, по проблематике времени. Путешествовать по времени нельзя! Множественность миров! Вы окажетесь в том мире, где только что наступило «Плато О», а «Событие А» вам еще предстоит, понимаете? Вы еще не сделали выбор.

– А он есть, такой мир?

– Миров бесконечное количество.

– А что если я опять выберу белый?

– Зачем? Вы же помните свой выбор! В том-то весь и фокус – вы перепрыгиваете в другой мир со всем своим багажом опыта!

– Трудно себе представить, – сказал Липучка, отодвигая остывший кофе. Камински даже растворимый кофе умудрялся заваривать плохо.

– А хотите испробовать? Берите чипер в левую руку. Большой палец на рычажок.

пл. О → пл. 1

Липучка взял неожиданно тяжелый аппаратик – экран ожил, в его мутноватой зелени были видны скрытые до поры силуэты двух стрелочек и три ряда прямоугольных матриц под символы. Моргнув появилось: «пл. О».

– На батарейках? – спросил Липучка.

– Нет, тут другой принцип. Чиперу не нужно питание, – ответил Камински. – Я вижу, вы не хотите кофе? Разбейте колбу. Давайте-давайте! Иначе не поймете!

Липучка криво ухмыльнулся и столкнул колбу на пол. Тонкое стекло разлетелось вдребезги, кофе расплескался по бетонному полу, забрызгал замшевые туфли Липучки.

– Курва его мач! Естэс хоры умыслово! Что ты себе позволяешь?! – завизжал Камински с такой ненавистью, что у Липучки отнялся язык. Он вздернул руку с чипером, увидел стрелочку с надписью «назад» и тут же нажал рычажок. Чип! В глазах Липучки полыхнула магниевая вспышка и проморгавшись...

пл. О ← пл. 1

...он увидел совершенно целую колбу с холодным кофе на столе.

– Давайте-давайте! Иначе не поймете! – подзадоривал его Камински.

– Ну уж нет! – крикнул Липучка и отбросил чипер на стол. Профессор мгновенно схватил аппаратик и впился глазами в дисплей – на нем горела стрелка с надписью «вперед» и какой-то числовой индекс.

– Ага! Получилось! Ну и как вам? – затормошил он Липучку за рукав.

– Вы... Вы на меня кричали. Ругались на каком-то языке! – Липучку трясло, опыт произвел на него огромное впечатление. – Вы что же... Не помните?

– А я о чем толкую! Знания о последствиях выбора остаются только у того, кто воспользовался чипером.

– Черт! Да ну их, эти фокусы. Никогда больше в руки его не возьму, – сказал Липучка, вытер ладони об плащ, схватил колбу и жадно глотнул мерзкого кофе. Хотелось выпить, но профессор не держал в бункере спиртного.

Камински открыл сейф и убрал в него чипер. Единственный ключ от сейфа висел у него на шее. Часы на бетонной стене, закатанной в два слоя бледно-зеленой краской, показывали семь вечера. Камински уставился на Липучку, задумчиво покусывая губу, казалось, что стекла его очков отражают много больше света, чем на них падает.

– Динь-динь! Пора спать, – сказал профессор задумчиво. Такая у него была манера намекать собеседнику, что от него устали и пора бы ему восвояси. Эти его «динь-динь» могли

прозвучать в любое время дня и ночи.

Липучка представил себя спотыкающимся по темным буеракам профессорских угодий к придорожной закуской «Дикий пончик». Он приехал сюда на такси, после звонка Камински, которому не терпелось похвастаться Липучке новой игрушкой. Тащиться назад, по грязи, под дождем – Липучке казалось, что наверху идет дождь. В замшевых туфлях, забрызганных кофе. Он опустил взгляд и увидел, что туфли девственно чисты. Ах, да, «чик!» и я на плато номер ноль. Вид туфель почему-то окончательно его добил.

– Профессор, вы не будете возражать, если я у вас переночую? – спросил Липучка заискивающим голосом. Он ночевал в бункере два раза, старался не злоупотреблять.

– Так, ошмем, – ответил Камински. – Ночуйте. В сто первой комнате у меня свободно.

Это он так шутил – свободно у него было во всех жилых комнатах.

пл. О → пл. 1

Липучка стащил с себя туфли и не раздеваясь завалился на армейскую кровать. Нашупал во внутреннем кармане фляжку, заведомо пустую, но он всё равно вытащил, отвинтил пробку и перевернул над сухим ртом. Пусто. Он выключил лампу, стоящую на полу, устался в темноту, думая, что ему предстоит бессонная ночь и мгновенно уснул. Ему при-

снились сальные губы Киклза, одни только губы, висающие в сумраке над зеленым столом.

– Поговорим о деньгах, Липучка? – спросили губы.

– Я принес, – ответил Липучка, лихорадочно роясь в карманах плаща, раздвигая пальцами невесть как попавший в карманы жирный чернозем, камешки, битое стекло, тугие корни травы, юрких дождевых червей.

– Не спеши, – улыбались губы Киклза. – Жизнь непоправима у спешащих, чуешь?

Липучка ухватил пальцами пачку баксов, потащил их из кармана наверх, с облегчением швырнул на стол. Губы Киклза расхохотались – вместо денег по столу разлетелись прелые осенние листья. Липучка взвыл и стал выворачивать карманы на стол: школьный мелок, солдатик, стеклянные шарики, окурочок, ржавые монеты, пивные пробки, свисток, презерватив, чипер. Чипер! Ч.И.П.Е.Р.!

– Сейчас! Я всё поправлю! – засмеялся Липучка строго подобравшимся губам Киклза.

Он схватил со стола чипер и отчаянно потянул рычажок. Заело! Закоксовался, приржавел, хана! Он потянул его так, что чуть не сломал палец. Из чипера, как из-под буксующего колеса, полетела земля, гравий, брызги. Полыхнул магний: «Чип!»

Липучка проснулся от собственного крика – сердце колотилось, как после погони. За стеной раздавалось басовое гудение, словно Гавриил продувал свою трубу перед исполне-

нием финального фокстрота. Липучка вскрикнул от ужаса, отмахнулся в темноте и свез пальцы об стену бункера. Бункер! Он в бункере! А гул – это профессор парит в потоках воздуха. Липучка опять схватился за фляжку, припал к ней губами, вдохнул запах, оставшийся от виски, выпитого днем. Горячая судорожная сеточка сжала левую почку.

Вчера громилы Киклза поговорили с ним о деньгах. Кажется, теперь Липучка окончательно влип. До конца недели надо собрать девятнадцать кусков. Девятнадцать! А в бумажнике лежат двести баксов и больше денег нет. О чем Липучка вообще думал, когда ехал к профессору? Чип! На что он надеялся? Чип-чип! Липучка убрал фляжку во внутренний карман, нащупал в темноте туфли, обулся. Похлопал себя по лицу холодными руками. В общем, понятно, что теперь-то есть на что надеяться. Липучка – фартовый парень. Не включая лампы, чтобы не увидеть себя в зеркале, висящем на стене, он осторожно покинул комнату.

В коридоре горел яркий свет. Липучка мельком задумался, откуда профессор берет электричество. Может быть, у него реактор в подвале? Прорва энергии уходит на его фокусы. Он прошел по коридору, минул приоткрытую дверь тамбура и оказался в комнате, где они с Камински пили кофе и тестировали чипер. Разумеется, сейф был закрыт. Липучка почувствовал, как у него моментально вспотели подмышки. Делать нечего.

Он вернулся в коридор, миновал свою комнату и еще

шесть дверей. В конце коридора гул от вентилятора, в струях которого парил профессор, стал куда слышнее. Липучка отворил дверь с изображением скалящегося черепа и вошел в помещение подстанции. В настенном ящичке он взял тяжелый аккумуляторный фонарь, щелкнул, поводит световым конусом по замусоренному полу, сунул его под ремень. Липучка подошел к секции с рубильниками. Каждый рубильник был снабжен биркой с загадочными обозначениями – Липучка совершенно не разбирался в электричестве, но знал, что нужно делать – Камински однажды проводил ему экскурсию по бункеру.

Липучка провел мертвой рукой над главным рубильником, взял маленький ключ, с третьей попытки вставил его в замочную скважину, повернул. Главный рубильник разблокировался. Липучка обмотал руку носовым платком и дернул рубильник вниз.

пл. 1 → пл. 2

Бункер погрузился в тишину и мрак, будто немецкая субмарина, залегшая на дно в тщетной попытке уйти от глубинных бомб. Липучке показалось, что из шахты, в которой летал Камински, раздался короткий крик и такой звук, будто с крыши на мостовую сбросили мешок спелых арбузов. Он включил фонарик и отправился в шахту, вход в которую находился этажом ниже. С Липучки текло, зубы его выбивали

дробь, луч фонарика метался по стенам, в голове мычала и кукарекала детская песенка про старого Макдональда и его веселую ферму.

Он открыл тамбурную дверь шахты и вошел внутрь, включив фонарь – Липучка боялся встретиться взглядом с мертвыми глазами профессора. Сетчатый пол вибрировал под ногами, звуки шагов жадно подхватывало эхо и швыряло в стены. Липучка наткнулся ногой на тело профессора, встал на четвереньки, ощупал – мягкая, толстая ткань пижамы, пуговицы, какая-то дыра – пупок. Дрожащими пальцами он добрался до шеи, нашел цепочку, ключ от сейфа, дернул на себя – голова профессора тяжело стукнулась об пол. Липучка сдержал рвотный позыв, резво отыскал застёжку и стал ее развинчивать. «Это было потруднее лифчика Эм Джей на выпускном!» – подумал вдруг Липучка, истерически хихикнув.

Закончив в шахте, Липучка вернулся в помещение подстанции, включил свет и тщательно вытер эбонитовую ручку рубильника. Чипер лежал в сейфе, на том самом месте, где профессор его и оставил. Кроме аппарата, на который Липучка возлагал большие надежды, в сейфе лежал пакет с деньгами, тысячи три на вид.

пл. 3

Охранник перекусил зубочистку и сплюнул ее Липучке

под ноги. У Липучки заныла левая почка.

– Хорошо, что зашел, Бобби, – просипел охранник. – У тебя тут должок, помнишь ведь?

– Привет, Маззи. Я при деньгах, – улыбнулся Липучка.

– При деньгах? Это хорошо. Распахни-ка плащ. Теперь повернись спиной, – Маззи сноровисто обыскал Липучку. – Что это у тебя в кулаке? А ну, покажи.

Липучка раскрыл ладонь и показал чипер.

– Что за хрень? Эспандер?

– Массажер для пальцев.

– Ладно, спрячь. Говорят, ты денег Киклзу задолжал?

– Это ерунда. Я уже всё уладил. Ух и работенка была! – ответил Липучка, нарочито вытерев пот со лба.

– Отличные новости, Бобби, – ответил охранник, улыбувшись щербатым ртом. – А то я начал о тебе волноваться – цемент, тазик, грузовой порт, сечешь, да?

Маззи заржал и отошел в сторону, пропуская Липучку в дверь.

Подпольное казино «Майор Мао» имело не самую лучшую репутацию в городе, но играли тут честно и даже отпускали с выигрышем. Старина Мао пользовался уважением в криминальном мире, хотя давно уже отложил в сторону заточенную отвертку. Липучка отдал пятьдесят баксов долга и обменял все остальные деньги на фишки. За рулеткой сегодня стоял Снуппи – опытный крупье, принесший Липучке однажды хороший куш. Липучка подсел за стол, бросил ему

стодолларовую фишку:

– Желтым цветом, всё по два доллара.

Кроме него за столом сидела престарелая крашенная блондинка в мехах, парень с тухлыми глазами и старичок, похожий на Санта Клауса, подсевшего на валиум. Липучка обвел всех взглядом и улыбнулся. Перед ним вырос столбик желтых фишек:

– Ваш размен, пожалуйста, – сказал Снуппи, раскрутил рулетку и запустил на нее шарик. – Делайте ваши ставки!

пл. 3 → пл. 4

Липучка поставил пять фишек на 36 красное. Лево́й рукой он вцепился в чипер.

– Ставок больше нет! – объявил Снуппи, вознося руки над столом.

Колесо рулетки остановилось.

– Девять, черное! – громко объявил Снуппи.

– Чип-чип! – одними губами сказал Липучка.

пл. 3 ← пл. 4

Кроме вспышки в глазах, еще и зазвенело в ушах. Липучка вздрогнул, и стал торопливо нащупывать фишки.

– Делайте ваши ставки! – объявил Снуппи.

Липучка улыбнулся сидящей напротив престарелой брюнетке и выдвинул сто долларов на черную девятку.

пл. 3 → пл. 4

– Ставок больше нет! – крикнул Снуппи.

Колесо рулетки остановилось.

– Двадцать пять, красное! – объявил Снуппи.

– Что за черт, – прошептал Липучка. – Чип-чип!

пл. 5

Липучка заперся в туалетной кабинке. Глаза резало, словно он наловился «зайчиков» от сварки. Он просадил уже тысячу долларов, постоянно ставя на одиночные номера, но ничего не выиграл. Чипер исправно перекидывал его назад, но выпавшие номера не соответствовали, хотя всё остальное исправно возвращалось на круги своя, даже парень с тухлыми глазами постоянно допивал свой виски и ставил стакан на стол именно в тот момент, когда Снуппи объявлял выигрышное число. Провалился блестящий план, и не было в мире ни единого человека, который мог бы объяснить Липучке почему. В мире не было, но миров-то много! Липучка опустил крышку унитаза и уселся на него сверху. Ну, поехали!

Чип!

Зеленый стол, желтые фишки, блондинка напротив.

Чип!

Салон автомобиля, таксист уточняет у Липучки, куда лучше ехать – к «Майору Мао» или в «Синий Черт».

Чип!

Он стоит во мраке перед дверью шахты. Тянет запахом бойни.

Чип!

Он сидит на кровати в комнате сто один.

Чип!

пл. О ← пл. 5

– Давайте-давайте, иначе не поймете! – подзадоривает его Камински.

Липучка бросил чипер в карман плаща, схватил мусорную корзинку и опустил в нее голову, борясь с тошнотой. Звон в ушах стоял такой, будто в пустом черепе висела огромная хрустальная люстра – раскачивалась, билась о стенки и роняла подвески. Лицо профессора сияло обморочным черным цветом в кайме сияющего бункерного сумрака.

– Что с вами, Боб? – испугался Камински.

– Переб... Перебрал вчера, простите, – выдавил из себя Липучка.

– Вы больны? – испугался профессор.

– Нет-нет! Это всё выпивка. Фу-ух, мне уже лучше!

Липучка глотнул остывшего кофе из колбы и, наконец, взял себя в руки. Профессор жив, будто и не падал с пятидесяти футов на бетон! Вот так фокус!

– У меня вопрос возник, профессор.

– Спрашивайте.

– А ведь с вашим чипером можно поднять больших денег на рулетке, да?

Профессор ухватил себя за мочку уха, посмотрел на Липучку и расхохотался, как филин:

– Это дудки, Боб, это дудки! Лунка, в которую падает шарик, будет всё время разная. Очень уж дискретный процесс, дайте-ка я вам формулу напишу... Впрочем, вы же не сильны в математике, да?

– Умножаю в столбик, профессор, но не более того, – скривился Липучка. – То есть – денег с чипером не зарабатываешь?

– Я бы рискнул сыграть на скачках. Выигрыш конкретной лошади более вязок в мультиверсуме. Однако прыжки туда-сюда на такие длинные дистанции могут быть опасны. Надо это обдумать. Хотя, я же не собираюсь прыгать между мирами ради каких-то... – задумчиво ответил Камински и вдруг пристально посмотрел на Липучку. – Дайте-ка мне мой чипер, Боб!

Липучка вытащил чипер из кармана и посмотрел на дисплей. Теперь он показывал сразу две стрелки и целую кучу цифр.

– А что означает стрелочка «вперед»? – спросил Липучка, не выпуская чипер из рук.

– Она означает, что вы уже отменяли какой-то выбор и сейчас находитесь на плато, с которого можно прыгнуть вперед, – ответил профессор, нетерпеливо протягивая руку.

– Чипнуть, а не прыгнуть, – сказал Липучка и нажал рычажок вперед.

Чип!

Кровать в комнате сто один.

Чип!

Шахта лифта и труп профессора на полу.

Чип!

пл. 6

Последний прыжок его подкосил.

– Если бы я видел, что ты наакался, нипочем бы не взял! – заорал таксист.

– Прости, шеф... Я ни капли... Я болен, – прошептал в ответ Липучка.

Машина резко затормозила, водитель открыл заднюю дверь и выволок Липучку на тротуар.

– Шайтан! Пес! Задница! Всё сидение мне заблевал!

– погоди! Я тебе денег дам, не уезжай! – крикнул Липучка, сиюсь разглядеть таксиста между разбухающими перед глазами огненными дырами. Он достал из бумажника

двадцатку и протянул ему. Водитель вырвал купюру из рук, крикнул: «О, спасибо тебе, мистер Вонючий Фонтан!» Потом грохнула дверь, машина газанула и умчалась, обдав Липучку смрадным выхлопом. Липучка поднялся на дрожащие ноги, добрел до какого-то столба и оперся об него. Мир постепенно наполнялся красками, в основном серыми, и звуками, в основном неприятными. Липучка сообразил, где находится, и, пошатываясь, двинулся в сторону подземки. На часах было десять вечера – самое время навестить букмекерскую контору Кусачего Боло.

Вентилятор, вращающийся под потолком, не мог разогнать висящий слоями табачный дым. Кусачий Боло маячил в зарешеченном оконце. Увидев Липучку, Боло ухмыльнулся и поманил его пальцем:

– Плохо выглядишь, старина. Подсел на колумбийский снег?

– Последние часов десять я даже не пил ничего крепче кофе, – ответил Липучка.

– Это дело поправимое, – сказал Боло.

Он грохнул на конторку пару стаканов и налил в каждый на два пальца бурбона. Липучка жадно, одним комком влил в себя алкоголь. Звон в ушах тут же затих, в глазах развиднелось.

– За счет заведения. С чем пришел?

– Хочу поставить. Что есть интересного?

– Линдон Джонсон против Барри Голдуотера.

– Черт, до выборов еще два месяца, и Барри там не светит. Есть что-нибудь поближе?

Боло позвонил в колокольчик и в конторе появился его сын – Марк.

– Посиди за меня, сынок, а нам надо посеCRETничать с Бобом.

– Хорошо, пап. Привет Боб, как сам?

гл. 7

Они прошли в заднюю комнату, где Кусачий Боло принимал нелегальные ставки. Накурено в ней было еще гуще, чем в легальном зале. По углам смердели четыре плевательницы с ежиками окурков, на стене висела грифельная доска, исчерканная мелом. «Ракета Зомби против Нейтронного Брюса» – прочел Липучка. Боло вытащил лоснящуюся амбарную тетрадь с пучком закладок, достал чернильницу, натянул на рукавники и вопросительно поднял глаза. Липучка вытащил из внутреннего кармана пакет денег, украденный из сейфа профессора:

– Ставлю всё.

– На кого?

– На Брюса, разумеется. Какие ставки?

– Семь к одному.

Боло высыпал деньги на стол, и у Липучки потемнело в глазах – в самом верху пачки лежала непонятная бледно-го-

лубая банкнота. И вся пачка была голубого цвета, хотя он прекрасно помнил, что в сейфе лежали американские доллары – двадцатки. Липучка схватил первую купюру, чтобы рассмотреть ее поближе: Эндрю Джексон гордо смотрел куда-то вверх, а рядом с ним красовалась надпись:

заплатят предъявителю по первому требованию
ТРИДЦАТЬ ДОЛЛАРОВ

– Какие-то проблемы, Боб? – спросил Боло, отложив невозможные купюры.

– Не-е-ет, – проблеял Липучка. – А у тебя?

– У меня тоже пока нет. Ты будешь ставить эту тридцатку на Нейтронного Брюса?

– А можно ее поставить? – спросил Липучка, испугавшись, что Боло сейчас швырнет ему в лицо фальшивые, безумные баксы.

– Федеральный закон не позволяет, но тебя до сего времени это не смущало, – задумчиво ответил Боло.

– Ха-ха. Я шучу, Боло! Просто пошутил! – через силу рассмеялся Липучка, возвращая тридцатку на стол.

– Ага. Смешно. Ха-ха, – ответил Боло, собрал купюры в пачку и вложил их в машинку для счета банкнот.

Букмекер пересчитал невозможные купюры, рассмотрел одну из них в лупу и выдал Липучке билетик, заполненный фиолетовыми чернилами: три тысячи девяносто долларов на Нейтронного Брюса.

– Когда начнется бой? – спросил Липучка.

– Через час.

– Ты не будешь возражать, если я подожду результатов у тебя?

Кусачий Боло махнул рукой в дальний угол комнаты:

– Койки у меня нет, так что ставь стулья и устраивайся.

Ты действительно хреново выглядишь.

Липучка уселся на стул в углу и закрыл глаза. Эти блошиные прыжки страшно вымотали. Надо попросить профессора сделать что-нибудь, чтобы облегчить вспышки, грохот, и еще появился странный резкий запах, так могло бы пахнуть время. Липучка понял вдруг, что на зрение, обоняние и слух действует один и тот же раздражитель, который воспринимается ими по-разному, с трех сторон, как в байке про слепцов и слона. Впрочем, просить облегчения не у кого. Профессор мертв. Он обмолвился об опасности далеких прыжков, а потом сам прыгнул.

Липучка задремал на стуле. Краем сознания он воспринимал окружающую действительность – телефонные звонки, шум автомобиля за окном, скрип паркетных шашек и хлопанье дверей. В то же время он стоял на крыше локомотива, несущегося в сырую ночь. Всмотревшись, Липучка увидел поезд, догоняющий его слева по соседней ветке. Справа тоже мчался поезд с мертвыми, выбитыми окнами. В небе полыхнула магниевая вспышка, выхватив из тьмы долину, плотно уставленную железнодорожными составами самого разного вида – от первого паровоза, похожего на огромную швейную

машинку с длинной печной трубой, до зализанного супер-скоростного локомотива с надписью «Блейн-Моно» на сияющем борту. Вспышка, медленно угасающая в небе, высветила главный секрет – поезда никуда не мчались, они стояли на месте, их колеса съела ржавчина, в их трубах свили гнезда ночные птицы. Липучка лег на живот и заглянул в окно локомотива, на крыше которого находился. В кабине машиниста сидел профессор Джон Камински и скалился ему черным, запекшимся ртом.

– Динь-динь! – проскрипел профессор, протянул истлевшую руку к эбонитовому рубильнику и сильно дернул его вниз.

– Чи-и-и-и-и-и-п! – закричал гудок.

– Чии-ии-ии-ии-п! Чип-чип-чии-п! Чи-и-и-п-п-п! – ответили ему соседние локомотивы.

Долина наполнилась невыносимым визгом, и вдруг Липучка понял, что не спит, что вопит не поезд, а чайник на плите в маленькой кухоньке, и что на него кто-то пристально смотрит. Он поднял глаза. Перед ним стоял Киклз с двумя своими мордоротами.

– Боло сказал мне, что ты решил играть на мои деньги, Липучка?

– Киклз, я все отдам! – просипел Липучка.

– Мы договаривались, что ты отдашь мне девятнадцать кусков сини неделю назад. Ты где-то прячешься, а потом являешься к моему букмекеру и делаешь мудацкие ставки?

– Постой, Киклз, где я прятался? Мы договаривались, что я верну деньги в конце этой недели!

– Да-да, Боло предупредил, что ты косишь под шизика. Пакуйте его, ребята.

пл. 8

Пахло гнилыми водорослями и соляжкой. Липучка стоял на самом краю пирса и отчаянно старался не свалиться вниз, туда, где масляно блестела морская вода. Около его ног пыхтел мордovorот Киклза – приматывал к ногам Липучки проволокой огромный и ржавый танковый аккумулятор.

– Какой-то он спокойный, – сказал Киклз Кусачему Боло. – Эй, ты, может, думаешь – я шучу?

Они стояли неподалеку, прятались от ветра и курили за дверцей машины.

– Я действительно могу вернуть тебе сегодня твои деньги, – настаивал Липучка.

– Свистишь. Нет у тебя такой возможности. Буба – скажи?

– Факт. Он голенький, как младенец, – буркнул Буба, поднимаясь из-под ног Липучки.

Буба отряхнул колени, встал рядом с Липучкой расстегнул ширинку и принялся мочиться в море. Липучка посмотрел на его вывернутое, сломанное ухо со шрамом от серьги. Буба повернул голову к Липучке и негромко сказал:

– Ты обижен?

– Чего? – обалдел Липучка.

– Тебе сейчас умирать от моих рук. Мне мама в детстве велела всегда извиняться, если я кого обижу. Мы с тобой больше-то не свидимся, вот я и спрашиваю – обижен?

– Твою мать! Конечно, обижен!

– Ну, извини, – сказал Буба.

– Всё, макай его, – крикнул Киклз.

Буба ухватил аккумулятор за две приваренные дужки – аж пиджак затрещал в плечах.

– Боло! – крикнул Липучка. – Кто выиграл в бою?

– Тебе-то что?

– Интересно!

Все захохотали, даже Буба заухал.

– Я же сказал, что ставки у тебя мудацкие, – ответил Киклз, бросая сигарету. – Нейтронный Брюс лег в третьем раунде, как и было договорено.

Липучка внезапно получил мощнейший пинок, от которого моментально рухнул в воду. Он попытался удержаться на плаву, но его обдало брызгами, это Буба спихнул аккумулятор на длинной цепи. Липучку тут же потащило вниз, как на оторвавшемся лифте. Вода вдавила уши, ворвалась через нос, и рот. Он с трудом нащупал в кармане чипер, положил палец на рычаг, но в этот момент аккумулятор стукнулся об дно, Липучку ощутимо встряхнуло, чипер выскользнул из руки и серебряной рыбешкой порскнул вниз. Он содрал с себя плащ и нырнул. Хватаясь за скользкую цепь достиг дна,

зашарил руками в мягком ледяном иле. И когда сознание цеплялось за мир дрожащим мизинчиком, готовое вот-вот соскользнуть в пропасть, в его ладони оказался чипер.

Он дернул рычажок – ничего. Он дернул снова – ничего. А третий раз дергать рычажок было уже некому.

> *Автозапуск...*

> *Поиск маршрута... Ошибка.*

> *Поиск маршрута... Маршрут найден.*

> *Построение маршрута... Выполнено.*

> 8... 7... 6... 5... 4... 3... 2... 1... 0.

Чип!

пл. О

– Давайте-давайте! Иначе не поймете! – крикнул Камински.

Липучка, только что живой и бодрый, поднял на профессора оловянные глаза. Камински выхватил чипер у него из рук и посмотрел на дисплей.

– Матка Боска! – сказал он. – Вот это вы напутлякали, Боб!

Липучка, хлопавший ртом, как рыба на суше, умудрился сделать судорожный вдох. Профессор отворил крышку автоклава и достал сияющий лоток. Из лотка он извлек шприц, миглом сломал ампулу, всосал из нее густую янтарную жидкость, подошел к Липучке, закатал рукав и ловко сделал инъ-

екцию. Липучка слабо шевельнулся, но профессор погрозил ему пальцем и строго сказал:

– Теперь-то вы знаете, как это больно и страшно – умирать. Знаете? То-то же.

– Как я сюда... – начал Липучка.

– Как вы сюда попали? Элементарно. Чипер настроен на сброс маршрута, в случае угрозы уничтожения.

– Откуда вы...

– Откуда я всё знаю про ваши делишки? Да ведь я же ученый, а не лабораторная крыса, вроде вас. Вы не убивали меня в шахте, я сидел в соседней комнате и следил за вашими ужимками в телекамеру. А в шахте лежал труп, но не мой, посторонний. Были бы деньги – труп не проблема, правда?

Профессор встал и прошелся перед Липучкой, заложив руки за спину. Липучка почувствовал, что у него отнимаются ноги.

– Мне отчаянно нужны эксперименты. Математическая модель хромает, сам Джон Нэш пасует перед этой задачей. И где мне искать людей, которые будут помалкивать при чипер? Где найти тех, кто будет бросаться во все тяжкие, наворачивать интересные маршруты, чтобы было что обсчитать?

Липучка начал сползать с кресла, но Камински не обратил на это внимания и продолжал разглагольствовать.

– Первый испытатель вообще спятил, если хотите знать. Вас тоже сводят с ума эти вспышки и звон? Вот видите, пол-

но работы.

Липучка смотрел на профессора с какого-то странного ракурса. Он сообразил, что на чипере был выбит номер: U-002. То есть до него был еще один идиот.

– Вы неплохо справлялись, но теперь ваш багаж знаний мне только помешает – сами понимаете... Э... Как там у вас говорят: порченный фраерок.

Профессор присел на корточки перед Липучкой и освещил ему в глаз ручкой-фонариком.

– Как вы придумали? «Чипать»? Отличное слово. Хоть что-то от вас останется.

Липучка захрипел, поняв, что сейчас произойдет. Он замотал головой, но профессор вложил ему в руку холодный чипер и прижал рычажок безвольным пальцем.

Чип!

Елена Клещенко. Если бы молодость знала

Нету. Ни в ванной. Ни у терминала. Ни в прикроватной тумбочке. Плюнуть, идти так? Нельзя.

– Ты где, окаянная штуковина? – безнадежно прошептал сэр Ханс.

– Повторите запрос, пожалуйста.

– Ты-то хоть помолчи, не лезь под руку. А впрочем... как тебя там... хелломайком, сагаши, моногото... угу... Зарядник для головы. Ну?

Девичий голос ответил длинной вежливой фразой. Домашний поисковик, который ему поставила Марит, говорил на фебианском японском. Сэр Ханс все не мог выбрать время, чтобы включить ему земные европейские языки... ладно: не знал, как это делается, и знать не хотел, поэтому терпел японский.

– Реди. Атараши кенсаку?

Он сжал губы, чтоб не вырвалось какое-нибудь слово, которое электронная сущность примет за новую команду, поднял комм, как фотоаппарат, и начал поворачивать вслед за стрелкой на краю экранчика. Сэр Ханс занимал обычные преподавательские апартаменты в колледже, с тех пор как подарил дом семье старшей дочери. Дверь спальни... Эркер с горшками комнатных растений, как маленькая оранжерея,

заплетенный лианой вместо занавески... Рабочий стол... Полка с сувенирами... Дверь в коридор. Теперь вниз?..

– Тьфу ты, пропасть! Да, спасибо, дорогая, поиск завершен.

Желтым крестиком на экране был помечен его бювар. Сам и положил еще вечером. Регулярные действия, те, что повторяются каждый день, – их труднее всего вспомнить, записи в голове путаются.

Ага, оправдывай себя. Ссоришься и миришься с гаджетами, собственную запчасть у себя в руках не можешь найти. Совсем плохой стал.

Видно, и вправду пора собираться в последнее путешествие. Сто двадцать четыре, прописью. Сто двадцать четыре года. Возраст, пригодный только на то, чтобы впечатлять журналистов, больше ни на что.

Но ведь в институте все в порядке, так? Вещи я всю жизнь теряю, а что касается работы – мне сказали бы, если б я накосячил. Вежливо, с реверансами, но сказали бы. Или нет. Я нужен им как чучело славного прошлого, чтобы вызывать благоговение у начальства, которое по природе своей любит все славное и прошлое. И не все ли равно, что там дедушка кропает? Может, кто-то проверяет за мной и переделывает. Например, Даниэль...

Он понимал, что подобное настроение с утра – плохой симптом, но записывать жалобу не стал. И без того замучили.

Холодно, но не слишком. Каблуки «Оксфордов» стучат по кирпичной дорожке, с ними звонко перестукивается трость. Этой тростью сэр Ханс обзавелся еще до замены коленных суставов, а потом не стал от нее избавляться. Во-первых, еще пригодится – суставов и костей в нижней конечности много, во-вторых, для полноты образа. Шляпа, строгий костюм – он заказывал одежду там же, где прежде заказывала для него Элизабет. Хорошо, что магазинчик оказался живучим. И дубовая трость с серебряной ручкой в виде головы борзой собаки. «Какова вероятность, что в случайно выбранный день вы встретите в аудитории динозавра? – Примерно четырнадцать и три десятых процента!» Тонкий студенческий юмор. Сэр Ханс читал лекции раз в неделю.

Его не раздражало, если первокурсник или аспирант, прибывший в Блу-Маунтин по ротации, тарасились на него, как фермер с Берега Новой Надежды на голографику в небе. Не раздражали фотовспышки в поднятых руках – сбоку, за спиной, иногда и анфас. Надо понимать детей: таких, как он, на Фебе всего шестеро, и на самой Земле едва ли полтора десятка. Они знают, и им любопытно, это же хорошо, верно?

Водить ему врачи позволяли, но сегодня он доверился автопилоту. За окном машины проплывали идиллические виды кампуса: зеленые газоны, золотые, алые, пурпурные купы деревьев, кирпичные корпуса. Торопливые утренние пешеходы, их обгоняет молокосос в роликовых ботинках, по

выделенным полосам бесшумно, брошенными камешками на льду, скользят синие электрокары. Сэр Ханс пролистывал очередные результаты анализов со скептически-презрительной миной: как студент результаты экзаменов, обидно низкие, но с другой стороны, и не очень-то хотелось. Он-комаркеры, кардиомаркеры, p16 и прочие. Почки и печень, как всегда недовольные медикаментозной нагрузкой, – нудный мелкий ежедневный чек-ап, нескончаемый ремонт здания, которое давно пора сносить к чертовой матери, освободить место новому. Выращенные экстракорпорально печень и почки были сравнительно молодыми – двенадцать и десять лет? нет, десять и восемь, всего-то – но прозябание в этом теле им явно не нравилось.

Практическая геронтология – жестокая наука. Особенно ее передний край. Бесконечная позиционная война: человек и природа, живое и неживое, не поймешь, кто на чьей стороне. Ножи и лазеры тут не армейские, но восьмидесятилетним новобранцам быстро все объясняют про дисциплину и боль. А двадцатилетний ветеран сам всякого обучит. О разновидностях боли и медицинских унижений мы знаем... нет, не будем говорить «всё», дабы не искушать судьбу. Есть еще, например, полная замена кишечника.

– Доброе утро, Аса, дорогая.

– Доброе утро, сэр Ханс. – Сегодня в преддверии Очень Большого Компьютера сидела славная женщина. Она улы-

балась так, будто действительно была рада ему. Редкость. Обычно сквозь уважительную гримасу просвечивает отвращение, тень страха: вдруг возьмет да помрет прямо сию секунду, именно у меня на руках? Или начнет бредить и заговариваться, так что будет жутко и неловко?

Аса протянула ему декодер, он привычно коснулся контакта тыльной стороной кисти, где был чип. Вид собственной руки рядом с розовыми Асиными пальцами заставил поморщиться.

– Свободны четвертый и пятый терминалы. Ваше время через десять минут.

Постукивая тростью, он прошел в святая святых. Некоторые что угодно бы отдали, чтобы вот так запросто ходить сюда по три раза в неделю. Прежнего душевного подъема не было – к хорошему быстро привыкаешь. И все же, надо признать, это самый радостный час.

Пока расположился, пристроил трость в углу, раскрыл свой комм, нашел нужные файлы, прошло пять минут. Еще успею проверить имплант.

Сэр Ханс достал из бювара «зарядник для головы», привычно вытянул шнур, ощупью подсоединил к разъему. Датчики показали норму: чертова штуковина пока не заржавела и не проголодалась, можно с чистой совестью отложить подпитку до вечера или вообще до завтра. А тут и высветилась приглашающая заставка, можно начинать.

Итак, Ира Штайн, 12 полных лет, родилась на Южном

берегу. Геном, транскриптомы, протеомы, наложенные на дневник состояний – полный индивидуальный профиль, результаты осмотра, анамнез. Дистрофия сетчатки, предположительно наследственная. Ответ на лекарственную терапию – некоторое замедление процесса, ответ на генную терапию нулевой. Ну естественно, генная терапия виновата. А совсем не тот факт, что девочка не попадает ни в одну из четырех широко распространенных групп, а также ни в одну из тех двадцати изученных ранее, что реагируют нетипично. Особенная у нас барышня. Как и мы все, как каждый из землян и фебиан.

Ну конечно. Нашли мутации – получили повод назначить генную терапию, потом поудивлялись, отчего это она неэффективна, а потом с еще большим удивлением констатировали, что мутации в серпиновом гене у барышни, хоть не синонимичные, не влияют на структуру. Как же мало проку в самой продвинутой технике и самых гениальных программах, когда ими управляет носорог. И даже не так: чем умнее компьютерные программы, занятые интерпретациями, тем ленивее и глупее оператор. Хочешь получить умный ответ – спрашивай умно.

Серпины тут ни при чем. И мембранные белки всем бы такие. А вот факторы транскрипции при этих белках... да, их у нас много, но, интересно, кто-нибудь там обратил внимание, что девочка – аллергик? По-хорошему, ничто не заменит осмотра в офлайне, но даже на видеороликах замет-

на краснота в углах рта и между пальцами. Для кого, хотел бы я знать, эти ролики подшивают к остальным документам? Сколько драгоценного времени бы сэкономила элементарная внимательность, если бы кое-кому отключить этот снобизм, «а зачем нужен осмотр пациента, когда получены все омы»... Вот я, например, крепко подозреваю, какая именно мутация вызвала эту пакость. И сейчас мне машина поищет, что будет, если скорректировать именно ее.

LiveInteractome – программа серьезная, без глупостей визуализации. Графы, иерархические уровни, сети из сетей, таблицы в таблицах. Электронные копии генов, их продуктов, регуляторов генов и генов регуляторов кружились в своем пчелином танце. Виртуальный человек – огромный голем из букв и цифр, чуть менее непредсказуемых, чем погода на месяц вперед – покорно превращался в юную Иру Штайн. А затем – в Иру Штайн с одним исправленным геном в тканях глаза.

Конечно, в этих расчетах участвовала биохимия – структура белков, укладка ДНК в определенном месте и во всех хромосомах всех клеток, и при желании можно было бы взглянуть, на что похож белок и ладно ли он взаимодействует с другим. Опытному пользователю редко требовалось видеть более высокие уровни – как живет глаз девочки после генной коррекции, как тает, чтобы в ближайшие пятьдесят лет не появляться снова, мутное пятно в центре поля зрения. Шахматист не думает о фигурах как о резном крашеном де-

реве, и ни к чему отвлекать Очень Большой Компьютер на пустяки.

Первая версия, как обычно, оказалась ошибочной, зато вторая сработала. Для очистки совести проверил и третью, но это тоже была пустышка. Оставалось пробить побочные эффекты, и тут сэр Ханс понял, что не один в кабине. За спиной у него топтались и тихо покашливали.

Женщина. Лицо – мужское, вызывающе ненакрашенное, строгая женская прическа – гладкие волосы, узел на затылке. Мужской костюм с женской застежкой. Кожа бледная, мешки под глазами. Сами глаза как будто бы в порядке. Мама девочки?

– Профессор Коппер, – четкий полупоклон.

– Добрый день. Что у вас?

– Клара Тулле, федеральное агентство расследования. У меня к вам несколько вопросов.

– Так вы не по поводу Иры Штайн?

– Нет, прошу прощения.

– Вон, – сказал сэр Ханс.

Клара Тулле вскинула голову. Станным образом негодование сделало ее более женственной.

– Профессор, я прилетела из Олдрина...

– Сударыня, вы украли у меня уже минуту времени. До свидания.

– Но мне сообщили, что у вас сегодня свободный день! Я пыталась связаться с вами напрямую, но, возможно, вы не

получали моих запросов.

Последняя фраза была исполнена яда. Сколько ей лет – тридцать, пятьдесят? Вот уже поколение правнуков выросло, обзавелось табельными устройствами, чинами, правами, допусками и указывает мне, что я должен делать.

Сэр Ханс оглянулся на монитор: программа работала и пока ни о чем не спрашивала.

– Миз Тулле, очень коротко. Колледж любезно подарил мне несколько часов времени квантового компьютера Блу-Маунтин. Часть этого времени я использую для благотворительного медицинского консультирования. Малообеспеченных пациентов по квотам направляют несколько клиник, желающих больше, чем у меня возможностей. Люди ждут, хотя ждать могут не все. Благодаря вам у меня сегодня осталось... двадцать четыре минуты. («Двадцать три, учитывая время, которое я потрачу, ругая эту дуру с невидимыми погонями и вспоминая, о чем думал перед этим».) Прошу вас.

– Хорошо, я подожду. Извините.

Дверь с шипением встала на место. Как эта нахалка прошла мимо Асы? Ладно, хватит, не до нее.

Он закончил с побочкой и сбросил результаты себе в папку. Все бумажки, разъяснения для родных и лечащих врачей, с выделенными красным «как можно быстрее» и «строго согласно предписанию» – все это потом, дома, для этого вычислительные мощности не нужны. Оставшееся время можно отдать следующему пациенту.

Когда он вышел, миз Клара Тулле из федерального агентства сидела у Асы, в кресле для посетителей. Как примерная девочка, сложила руки на коленях, устремила на него ясные глаза.

– Профессор Коппер, теперь мы можем поговорить?

– По-видимому, это неизбежно, – проворчал он, укоризненно покосившись на секретаря. – Теперь я располагаю временем, задавайте ваши вопросы.

– Вопросы конфиденциальные, они касаются расследования, которое я сейчас веду.

– У меня нет персональных апартаментов в этом здании. Если разговор длинный, давайте переместимся в лабораторный корпус.

– Не настолько длинный, – она улыбнулась. – Я дойду с вами до стоянки, если вы не против. Всего один вопрос, точнее, просьба. И мне не нужен немедленный ответ.

– Хорошо, идемте. Всего наилучшего, Аса.

Жестом он пригласил федералку пройти в коридор.

– Вы меня заинтриговали. Итак?

– Профессор Коппер, вы впервые прилетели на Фебу в семьдесят первом году?

– Что?.. Ну да, насколько я помню.

Не то чтобы он ожидал чего-то определенного, но вопрос о событиях девяностолетней давности был за рамками самых неопределенных ожиданий. Впрочем, что бы там ни было,

не в его возрасте бояться этого учреждения.

– Пятнадцатого мая фебианского, на «Синем Соколе»?

– Боюсь, вы осведомлены об этом лучше меня.

– Тем же кораблем летела женщина, следы которой я ищу.

Она пропала, судя по всему, сразу по прибытии. Нет никаких сведений, за исключением того, что у нее был как минимум один ребенок, – нам известны ее потомки. К сожалению, их родословная по этой линии прослеживается лишь на два поколения.

Правительству внезапно понадобилась женщина, пропавшая без малого век назад. Обыкновенное дело. Слух опытного административного работника, более чувствительный, чем любая программа поиска отклонений от среднего, отметил слегка аффектированную небрежность упоминания о «потомках». Какие-то особенные потомки?..

– Так в чем состоит ваша просьба? Вы думаете, я вспомню особу, с которой летел на одном корабле?

– Это наша последняя надежда. Записи с камер космопорта, как вы понимаете, давно стерты, а найти живых свидетелей... м-м...

– А последний живой свидетель – я. Вынужден вас огорчить, миз Тулле. Я, конечно, не помню всех деталей того путешествия, но совершенно точно, что никакая женщина не рассказывала мне о своих планах. Я мало общался с другими пассажирами.

– Вы могли ее видеть.

Федералка протянула ему свой комм. На фотографии – симпатичная, даже красивая дама, через плечо перекинута черная коса, заплетенная ажурными петлями.

– Сожалею. Может быть, и видел, но... сами понимаете, столько лет. Я бы запомнил, если бы из космопорта кого-то увезли в мешке вооруженные бандиты, однако этого не произошло. По крайней мере, не при мне.

Клара Тулле не улыбнулась в ответ. И когда они вышли в сквер перед обиталищем Очень Большого Компьютера, заговорила снова.

– Профессор Коппер, я задам личный вопрос. Правда ли, что по прилете вы приняли нейропсин?

– Что за... Хорошо, да. Да. Предположим. Простите, а это вам откуда известно?

– Из вашего интервью «Блу Маунтин Кроникл», – безмятежно ответила Клара. – Вас спрашивали, как вы относитесь к мем-драгс, и вы рассказали, что сами однажды использовали нейропсин, чтобы запечатлеть момент своего прилета на Фебу. И что так и не провели реактивации.

– Не провел. В молодости все фантазеры, но на самом деле в нашей профессии не до романтических реминисценций, просто не было времени и желания, если угодно... Стойте. Вы что, хотите, чтобы я сделал это сейчас?

– О, не прямо сейчас, – женщина весьма правдоподобно изобразила смущенную улыбку. – И, профессор, я понимаю, что прошу очень многого. Если такая процедура в вашем

возрасте сопряжена с риском, то, конечно...

– Причем здесь мой возраст?!

– А... да, конечно, но ведь почему-то их запретили, верно?

– Бросьте, никто их не запрещал. Просто оказалось не так интересно, как мечталось, и не так удобно. Дело не в этом, миз Тулле! Вам так много обо мне известно – вряд ли вы не знаете о моих нейрологических особенностях. – Повернув голову, он коснулся пальцем якобы незаметной пластинки на виске. – Вы понимаете, что искусственные нейроны гораздо моложе интересующего вас периода и никаких нейропсихических меток не несут по определению?

– Да, я понимаю. Но ведь это не зрительная и не слуховая зона? Только небольшой участок двигательной зоны, верно? А совершать движения вам и не нужно будет, я имею в виду, искусственная кома... сэр.

– Вы уже добрались до моего врача?

– Нет, я прочитала в открытых источниках. О вас много пишут, профессор.

– Ну да, разумеется. Для вашей затеи безразлично, буду ли я в этом сновидении здоровым или парализованным, лишь бы зрячим.

– Это стоит уточнить у специалиста, но, если я правильно поняла, вы не будете ощущать себя парализованным. Вы не сможете двигаться, но вы бы не смогли в любом случае. А все ощущения – осязательные, внутренние... ну, это будет

примерно как в ВР-костюме, но еще более реалистично.

– Сроду не надевал ВР-костюма, – желчно ответил сэр Ханс. – Ладно, вы отлично подготовились, но я вам скажу без всякой реактивации: практически все время, что я тогда провел в зале космопорта, я читал. Читал литературу по специальности, я был очень целеустремленным молодым человеком. Помню примерно, какие это были статьи. Но в течение этого часа мимо меня мог пройти имперский балет Дайдина в сценических нарядах, и я бы не заметил! А соответственно, как вы догадываетесь, я и теперь не увижу ничего из того, на что не посмотрел тогда. Реактивация не машина времени, знаете ли.

– Я понимаю... (Взгляд ее стал пристальным.) Вы провели там целый час? Это огромная удача!

– Я провел там час. Миз Тулле, вы слышали, что я сказал перед этим?

– Профессор. Я прошу меня простить, если моя просьба показалась слишком бесцеремонной. Пожалуйста, не отвечайте мне прямо сейчас. Разрешите связаться с вами завтра.

Походка у нее тоже была мужская, и отмашка рукой как у людей, часто вытаскивающих оружие. Сэр Ханс глядел ей вслед и спрашивал себя, почему эта просьба, пусть эксцентричная, нелепая, так сильно его раздражает.

Сведения федерального агентства были верны. Таблетку подарил знакомый из Стэнфорда, Фрэнк и как-то там даль-

ше. Забыл фамилию, но это еще не нейродегенерация, надо будет – найду. Зато прекрасно помню его самого: рыжеватый, весь в веснушках, улыбка, слишком широкая для физиономии хорька. Он занимался интерфейсами мозг-мозг, таблетка была не их, он раздобыл ее в соседней лаборатории. Бар после конференции, текила-бум, еще текила-бум. Стробоскопические синие вспышки в сумраке делают лица похожими на голограммы. Фрэнк давит кнопку аудиокупола на столике, музыка глохнет, отступает, и становится уютно, как в палатке, и мы сами невольно понижаем голоса.

– ...Законно, а как же! Образцы, предназначенные для испытания на информированных добровольцах, типа туда-сюда и так далее. Ты информированный?.. Слушай, я таких информированных, как ты, еще не видел, о чем ни спроси, ты знаешь, даже противно... Эй, не обижайся, Ханс, ты хороший парень! Ты летишь на Фебу, это круто! Билет в один конец, а?

Ни разу не обижаюсь, отвечал я, ты тоже молодец. Мы оба молодцы. Мне интересно, как это работает?

– Ну так слушай, сейчас все объясню. Глотаешь, и через пару минут все нейроны, которые включаются в твоей голове, получают черную метку. Или белую. В общем, теперь у них в мембранах новые натриевые каналы. Но эти каналы все время спят, потому что их активирует особенный лиганд, такого у тебя нет. Представь: вот сейчас у тебя активируются и получают метку нейроны зрительной коры, когда ты видишь

меня или вон ту... И в лимбической системе, когда ты рад видеть эту девку, и кое-где еще, ну ты понял. Слуховая кора пишет наш разговор, ассоциативные зоны фиксируют, что я в твоих глазах вылитый терминатор... да, и то, что ты сейчас про меня подумал, тоже записалось и будет сохранено! Так что думай поменьше всякой хери, да? И вкус текилы, и то, что тебе сейчас жарко и хочется отлить, весь твой небогатый внешний и внутренний мир, все это пишется. Это все – только активация нейронов, согласен?

Согласен, сказал я, а потом?

– А потом – пятнадцать-двадцать минут, у некоторых до получаса, и все, вещество кончится. А еще потом, позже, через день или много лет, когда захочешь, – камера лежащая, коктейль в вену с миорелаксантом и активатором канала, и смотри кино. Ты просто проживаешь заново то, что прожил тогда, те пятнадцать минут, понял? Невозможно отличить. Те же сигналы от всех органов чувств, от всех интероцепторов, что ты получаешь, например, сейчас, и все те же реакции в той же последовательности. Вот такая натурфилософия, брат.

Круто, согласился я. Но я и думать буду только то, что думал тогда?

– Э, нет! Кто же тебе запретит! Наш мозг – он моно, монока... м-ногоканальный, да. Тогдашние мысли и нынешние, в два слоя, так бывает и без таблеток, ну ты знаешь. Будешь думать и то, и это. А вот изменить ничего не сможешь. Да-

же смотреть будешь туда же, куда в прошлый раз, захочешь глаза скосить, а фиг.

Ты и сам пробовал, наконец догадался я.

Фрэнк зажмурился, состроил гримасу, несколько раз кивнул. А когда я стал спрашивать дальше, – что он писал и зачем, – растянулся на столе, щекой на руку, и томно прошептал:

– Щадя твою скромность, не могу сказать. Но было бы охрененно жаль прожить это только один раз!

Мою скромность, ха! Чертов хвастун. Его, наверное, давно уже нет на свете, а я все гадаю, что это было. Какая-нибудь пакость? Он ведь приехал из Лондона, у них там богатые сексуальные традиции. Или не пакость? Или он вообще все наврал?..

Свою таблетку я проглотил, согласно тщательно разработанному сценарию, впервые ступив на Фебу, – как только покинул шатл после таможенного досмотра пассажиров. И очень скоро забыл о ней. Да был ли это действительно нейропсин? Хороший вопрос. В Стэнфорде любили и умели разыгрывать. А с другой стороны, какая разница. Я же не собираюсь в самом деле...

Лаборатория. Обычный ритуал приветствий (вот тут-то мне, во всяком случае, рады, хоть в этой радости есть элемент эгоизма). Ежедневная деловая почта и дружеская переписка, тесно связанная с деловой: ректору, совету попечите-

лей, редактору журнала, обещанный отзыв на статью... Посмотреть письмо, надиктовать секретарю основные положения ответа. Проглядеть, что он напишет, – гладкие грамотные фразы, подобающая культурному человеку лексика. Эта версия секретаря жила у сэра Ханса без переустановок очень долго, дольше, чем печень с почками вместе взятые. Секретарь в совершенстве имитировал его стиль, исправлял мелкие фактические ошибки, сам знал, куда лазить за цифрами, фактами и шутками в тему. Но все же перед отправкой нужно пройтись и вставить там-сям приметы собственноручного написания (кроме тех случаев, когда действительно неважно, что подумает адресат). Все знают, что у всех электронные секретари, но все обижаются, когда отвечаешь не сам, и чем сложнее и лучше обучены программы, чем изошреннее – куда там тесту Тьюринга – наше умение отличать вручную набранный текст от созданного программой. Люди такие забавные создания.

Даже с помощью секретаря эта возня съела два часа. Прочитать половину черновика статьи, который подготовил Даниэль, и пора будет уходить. День трехлетнего ребенка долог, как приключенческий роман. День старика пролетает незаметно. Как получается, что мой ассистент занимается наукой, а сам я вожусь с бумажками? И еще эта дурацкая история с федералкой и нейропсином. Что она говорила об интервью?..

– Прошу прощения, сэр Ханс, вы уже смотрите статью?

Даниэль. Дитя Ротонды, монастыря для умников. Там вырос, там воспитывался, всех «внешних» считает варварами, хотя вслух никогда этого не скажет, адаптированный наш. Почему-то остался у меня после защиты – я был уверен, что он захочет сменить руководителя, позицию ему предложил из вежливости, меня бы устроил и менее квалифицированный помощник. А он взял и согласился. Двадцать шесть лет, идеальный куррикулум витэ, умный, исполнительный, выглядит, правда, нелепо с этой сверкающей лысиной. В буквальном смысле сверкающей. На голове ни волоса, кожа покрыта тончайшим золотым кружевом фрактальных электродов. Двух портов на висках им мало для интерфейса, желают использовать всю кору, как будто нельзя задействовать ее другим путем, назначенным природой! Мы такими не были. Но, следует признать, поставленные задачи он выполняет быстро. В мое время никто и вообразить не мог, что такой объем работы под силу одному человеку.

Ведь он мечтал о каких-то широкомасштабных исследованиях, экспедициях в страны, не подписавшие Конвенции. Почему, в самом деле, он не уходит в свободное плавание, не ищет другой позиции, а состоит при динозавре? На что рассчитывает? Или просто еще не освоился в акульем мире академического знания и предпочитает тихий уголок опасным просторам?

– Да, спасибо, Даниэль, уже читаю. Хотите что-то поправить?

А может быть, не было никакого интервью? То есть, конечно, было, и не одно, но не мог я так разболтаться. Федералы всегда врут. Уж не Даниэль ли, чего доброго...

– ...Оставить в тексте, а все остальное в приложения. Как вы думаете, стоит так сделать?

Черт, о чем он спрашивал?

– Отличная идея, давайте.

Дрянь дело. Не слышу, что мне говорят. Нужно разобраться и выкинуть это из головы.

Найти интервью – секундное дело. Нет, однако, Клара Тулле все изложила верно: именно такой вопрос и такой излишне распространенный ответ.

Интервью украшала фотография: лаборатория медицинской микробиологии в Блу-Маунтин, первый состав. Источник – архив колледжа. Вот Вернер, Саша и Влад, вот Анна, а вот и новенький постдок прямо с Земли, с краю во втором ряду, как всегда, подошел последним, словно не вполне уверенный, что предложение сфотографироваться относится и к нему тоже. Сэр Ханс повел курсором, увеличивая изображение. Смешной мальчишка. На вид ботаник, нёрд и фрик; что ж, легко быть похожим на утку, когда ты и есть утка. Пуловер на пару размеров больше, чем нужно, кривоватая улыбка, нелепая прическа с косым пробором, волосы свисают на левый глаз. Такая мода? Нет, остальные нормально подстрижены.

Это я. Так гласит подпись под фотографией и тысяча дру-

гих свидетельств. Двадцать восемь лет, холост, в анамнезе две нелепых продолжительных связи, не считая кратких увлечений, с тех пор не принимает женщин всерьез. По мнению некоторых, полный идиот – променял престижное место в земном институте на фебианские леса и моря. В свободное время, то есть вечером и ночью, работает над гениальным проектом, который перевернет всю медицинскую биологию... или это началось позже? Склонен к вычурным шуткам, в привычной обстановке, когда не стесняется, разглагольствует книжно, с большим количеством умных слов (стыдно вспомнить). Любит рыбные консервы – все в лабе смеются и ругаются, когда этот тип во время обсуждения съедает фунтовую банку этамарской кильки, этак рассеянно, как чипсы или орешки, и сам же потом недовольно спрашивает, а кто сожрал всю рыбку. Забывает причесываться и чистить зубы. Слегка нервничает, когда с ним заговаривают девушки, зато уже на третий месяц по прибытии стал правой рукой Вернера: нехватку социальных навыков компенсирует интеллектом.

Бред, если подумать. У меня же ничего общего с этим юнцом. Другие приоритеты, другой способ рассуждать, другие манеры и привычки. Другое тело – не говоря о физических характеристиках, с тех пор все ткани обновились множество раз. Плавно и незаметно, молекула за молекулой, но если у меча заменить клинок, а затем рукоять, будет ли это тот же меч? Впрочем, гравировка на клинке осталась прежней. Что-

то добавили, что-то читается хуже, однако не стерлось совсем. Конфигурации нервных клеток и, предположительно, метки в их мембранах.

Комм пискнул – пора было на обследование.

Доктора сэра Ханса звали Су – первый слог длинного индийского имени, «Су – нормально, меня все так зовут». В отличие от его предшественника, он не попытался опробовать улыбочиво-покровительственный тон и ухватки доброго семейного врача, а сразу начал с манеры «мы коллеги, вместе проводим интересный эксперимент». Вообще, местоимением «мы» он слегка злоупотреблял.

– Итак, у нас сегодня определение биологического возраста.

Существенно более продолжительное мероприятие, нежели рутинная сдача крови и биопсия. Сэр Ханс по опыту знал, что раньше пяти его не отпустят. Не больно, не страшно, но, откровенно говоря, надоело.

Блестящие разноцветные кружочки датчиков на истончившейся коже с сосудистыми сетками и пигментными пятнами, странная ассоциация с налипшим конфетти. (Что за конфетти, где, когда это было? Какая-то вечеринка летом?..) Шрамы – тонкие, едва заметные медицинские, на другом теле этот узор из точек был бы даже красивым, вроде татуировки у Марит на запястье; более давние и менее аккуратные – память о юности, не столько бурной, сколько невезучей. Зеленая больничная пижама. Чем дальше, тем больше

времени провожу в этой одежде.

Сначала, естественно, морфология: рост, рост сидя, толщина кожных складок, длина мочки уха, ширина носа (в глаза бы посмотреть тем, кто все это придумывает). Давление, частота сердечных сокращений, дыхание, и все то же самое еще раз после тщательно дозированной нагрузки. Балансировка на левой ноге, «сколько сможете, профессор, спасибо». Острота зрения вблизи и вдали. Острота слуха. Тест на мелкую моторику. Тест на интеллект. Тест на выбор верного ответа при условии ограничения во времени. Тест на концентрацию внимания. Решение этических задач. Тестирование эмоциональных откликов на социальные стимулы. Цветовой тест. Тест на концентрацию внимания (другой). Пока отдыхаю, хитроумное устройство снова тестирует сердечно-сосудистую систему: распространение пульсовой волны и что-то еще. Нашли себе лабораторную мышь, энтузиасты. Очень большую и очень старую мышь. Интересно, тест на раздражительность и сварливость уже был или еще предстоит?

Результаты расчета по сложной формуле доктор Су назвал утешительными: биологический возраст «у нас» равнялся примерно семидесяти шести годам, то есть даже уменьшился по сравнению с прошлым разом. Вот и чудесно. Свобода?

Он осмотрел себя в зеркале, застегнул пуговицу пиджака. Броня на месте, я снова защищен. В чем выгода хорошо пошитого делового костюма: все, кто смотрят, видят костюм.

С лицом, кистями рук, походкой, конечно, ничего не поделаешь...

Вышел в холл, нажал кнопку лифта. Ощущение было – как в детстве, когда отменяли последний урок. Иногда они говорят, что ему следует остаться в пижаме и послать в коттедж за всем необходимым, «причин для беспокойства нет, просто несколько процедур, чтобы мы были уверены». Но в этот раз обошлось.

– Принести вам минеральной воды?

– Если вам нетрудно, Даниэль, я хотел бы выпить кофе.

Даниэль посмотрел так, словно его попросили принести в условленное место пакетик с белым порошком и чип без наклейки.

– Кофе, – ровным голосом повторил сэра Ханс.

– Э-э... да, я сейчас сварю.

– Не стоит. Подойдет из кофе-машины, маленький капучино с шоколадом. Что-то не так?

– Вам это вредно. Там сахар, синтетика и таурин.

Однако! Лысый решился противоречить. И даже нахмурил брови на шефа.

– Я знаю, – так же кротко ответил сэра Ханс. – Если вы не одобряете меня, дойду до автомата и сам.

– Я сейчас принесу.

«Но не одобряю» – читалось по спине и походке. А у самого на запястье два аптечных пластыря без фирменных зна-

ков, голубенский и бежевый. Учить он меня еще будет.

Запах был упоительным, первый глоток вкусным – разве что чересчур сладким, и шоколад явно фальшивый, грубоватая смесь ароматизаторов, юноша был прав. Как в прежние времена, он поставил стаканчик рядом с экраном, чтобы отхлебывать во время работы. Но скоро во рту стало кисло, виски сдавило, в желудке зародилась тупая боль. И вместе с ней досада, неожиданно сильная и разрушительная.

Да что ж такое! Существование клеточной культуры в стеклянной посудине, при определенной температуре, на определенной среде. Того нельзя, этого нельзя, от сих до сих можно, и то по часам. (Принять две капсулы, не слишком дружественные друг к другу и к организму, но необходимые, стаканчик – в мусорное ведро.) Нежизнеспособная развалина. И всё не прибирает Господь. Угадай, почему?

Уйти достойно и вовремя – выбор умного человека. Друзья, учителя, да многие ученики, все уже там. Почему я согласился на продление? Ах да, наука. И еще раз наука. Своя работа – все в меньшей степени, увы. Голова соображает, но нет желания решать задачки, драйва нет. Просьбы младших, которым нужны мое имя и влияние. И собственно эксперимент. Забавно, многие считают это привилегией. Конечно, это и есть привилегия, грех жаловаться и ныть по пустякам. Ноги держат, глаза видят, голова думает – или мало ты видал других исходов?

Элизабет давно нет. В ноябре будет шестьдесят три го-

да – целая жизнь без нее, если бывает жизнь без юности, иллюзий и надежд. Не уберег, врач. Две из трех дочерей тоже ушли. Из третьего зятя получился замечательный дедушка для большого семейства. Правнуки во время редких встреч со мной вежливы, праправнуки – юные незнакомцы и незнакомки. Марит неглупа и, кажется, жалеет меня, но и она – чужая девочка, и в том, что она говорит, я не понимаю каждое пятое слово. В человеческих семьях не предусмотрено роли и места для прапрадеда.

Ни семьи, ни друзей. Экспонат местного музея, дорогостоящий артефакт, уникальный агрегат вроде Очень Большого Компьютера. Все вокруг весьма предупредительны, готовы исполнить любое мое желание, но никто не спрашивает, чего я хочу.

Я и сам давно об этом не задумывался. Только «должно», «положено», «необходимо» и, разумеется, «нельзя, вредно, опасно». Чего я, собственно, хочу?

Задав себе этот вопрос и осмыслив ответ, сэр Ханс некоторое время сидел неподвижно, сцепив пальцы. Потом негромко сказал «какого черта», свернул все окна и вытащил из связанной программы контакт доктора Су.

Доктор ответил «я уже еду» и, действительно, появился на пороге его кабинета через четверть часа. Лицо его потемнело от прилившей крови, а улыбка не выглядела естественной. Еще бы. Мальчик, который строит самый высокий в го-

роде карточный домик, вдруг услышал, что кто-то хочет выстрелить по этому домику горохом из трубочки.

– Относительно вашего запроса, профессор. С вашего позволения, это неразумно.

– Можно узнать, почему?

Су досадливо махнул руками, словно отряхивая воду.

– Я даже не знаю, с чего начать! Может быть, с того, что никто никогда не делал реактивацию таргетных нейронов в таком возрасте и спустя столько времени?

– Да. Но разве это не наша с вами работа – все делать впервые?

– Но имеется в виду совсем не это! Мы не можем приносить основную цель в жертву, э-э, в жертву...

Вздорной старческой прихоти? Да-да, основная цель. Поддерживать жизнь пациента Х.К. и высокое ее качество. Все возможности лучшей лаборатории одного из лучших колледжей и его же клиники – ради эксперимента. Коррекция физиологических функций, исправление всех ошибок нерадивой природы, не давшей детям своим мафусаилова века. И Святой Грааль биомедицины – сохранность интеллекта, перенос личности на новый носитель. Не снятие копии, именно перенос. Коль скоро в природе новые нейроны заменяют старые, а уцелевшие участки мозга иной раз берут на себя функции поврежденных, и человек при этом остается самим собой (в достаточной мере, чтобы его узнавали другие люди), – кто запретит так же последовательно заменить орга-

нические элементы рукотворными? Загадочное Я, скрытный эльф, обитающий в доме человеческого тела, не заметит переселения в новое обиталище, и ничуть не пострадает... И, разумеется: «Сэр Ханс, вы ведь не оставите свой пост? Это было бы ключевым моментом...» Еще бы не ключевым. У чиновника, который отказал бы в просьбе Все Еще Живой Легенде, должен полностью отсутствовать инстинкт самосохранения. Расходы по эксперименту его лаборатория брала на себя, и не прогадала.

– ...Затем, мы не знаем, как подействуют миорелаксанты на сердечно-сосудистую систему! – Су, воодушевленный его молчанием, продолжал лекцию. – И торможение сигналов interoцепции – плохая идея, если меня спросить. Кто поручится, что мы восстановим чувствительность? Или подвижность?! Нет, я категорически против, так и передайте этой даме. Ваш лечащий врач – не – рекомендовал. Всё, – он положил обе ладони на стол, подчеркивая последнее слово.

– Скажите, пожалуйста, доктор, за то время, что мы с вами знакомы, я когда-либо просил вас об одолжении? О более щадящем графике процедур, о послаблениях в режиме? Было такое? Может быть, у вашего предшественника?

Су тяжело перевел дыхание, насупился.

– Нет, я такого не помню. Но, сэр Ханс, лучше бы вы просили о таких одолжениях!

– Так вот, – Ханс Коппер встал, опираясь на трость, и выпрямил спину, насколько мог; Су тоже поднялся на ноги,

но теперь он глядел на пациента снизу вверх, – я и сейчас ни о чем не прошу. Я ставлю вас в известность, что собираюсь подвергнуться фармацевтической реактивации целевых нейронов. Если не у вас в клинике, значит, в Олдрине.

Су выглядел ошарашенным.

– То есть мое предупреждение для вас ничто?

– Я услышал ваше предупреждение и настаиваю, чтобы ваше мнение было занесено в план эксперимента, – невозможно ответил сэр Ханс. – Должно быть совершенно ясно, что это только мое желание, вопреки вашему.

– Следует ли понимать так, что вы хотите подвергнуться риску? («Хитрый способ самоубийства, а?»)

– Я считаю целесообразным подвергнуться риску ради помощи правительству. Аргументы их сотрудника показались мне достаточно весомыми. Боюсь, я не вправе сообщить вам все детали.

– Ну, если так... Если это важнее того, что делаем мы...

Прости, парень, подумал сэр Ханс, величественно кивая. Я хочу снова прожить те пятнадцать минут восемьдесят первого года, в которых не было ровно ничего интересного. Погрузиться в галлюцинаторную молодость, снова стать полным энтузиазма доктором наук, впервые ступившим на новую планету, еще не встретившим Элизабет. Моя глубокая благодарность федералам за прикрытие... то есть за рационализацию.

Эксперимент пришлось отложить до пятницы. Были неотменимые дела. Каждый вечер он получал письма от Су с рекомендациями по режиму или ссылками на документы о возможных осложнениях и сбоях, о том, что может произойти с мозгом и сердцем, о мучительных кошмарах вместо легкого трипа в прошлое. Доктор был мастером психологического давления. У него даже могло бы получиться, если бы его пациент имел менее продолжительный опыт противодействия (и давления, конечно, тоже).

Пока сэр Ханс Коппер заполнял бумаги – понимание последствий, выбор отказа от искусственного жизнеобеспечения в случае остановки сердца, и прочее, – Су переругивался с Кларой Тулле.

– Надеюсь, вы понимаете, что результат может быть отрицательным?

– Понимаю, доктор.

– Нет, вы понимаете, что профессор может вообще ничего не увидеть? Не только того, что вам надо, но вообще ничего? Никто, к чертям, не знает, что происходит с мембранными каналами за столько лет! Никто – никогда – такого – не – делал, тридцать лет – предел! И ради этого вы хотите его убить?

– Убить? – переспросила Клара Тулле.

– Опасность реальна, мне казалось, я это объяснил! Вероятность неблагоприятного исхода...

– Вероятность неблагоприятного исхода, – перебил его

сэр Ханс, – у всех лиц моего возраста крайне высока, независимо от внешних факторов.

И добавил, стараясь не замечать, как возмущен Су такой низкой оценкой его трудов:

– Может быть, начнем?

Для реактивации использовали камеру томографа. Лежать в темном гробу, с темной маской на лице было не так уж плохо, Ханс Коппер никогда не страдал клаустрофобией. Потом растаяли складки больничной пижамы под лопатками и бедрами, тело потеряло вес и стало понемногу исчезать.

Отключение кожной, внутренней и гравитационной чувствительности поначалу не так уж неприятно. Только если затянется – тогда станет страшно: бодрствующее бестелесное сознание в темном безвременном Ничто. А тогда буду декламировать Шекспира в уме. Шекспира мне хватит надолго. Кнопку «стоп» не нажму, пусть не надеются. Двигать пальцами при значительном усилии воли он мог, и упомянутая кнопка располагалась на подлокотнике. Странно, почему этот препарат называли нейропсином, ведь ничего общего с родопсинами...

Он еще продолжал размышлять о пустяках, когда понял, что вокруг него светло. Алые пятна под веками, разворошенное кострище во тьме. Как если надавить пальцами или повернуться к солнцу. Солнцу? Ну конечно, на Фебе май, в северном полушарии весна, и он сидит, а не лежит, и встречный ветер треплет волосы... открой глаза, пока не врезался

во что-нибудь!

Глаза остались закрытыми. Глаза открылись – и тут же сощурились от света.

Слух: ветер шумит в ушах, позади новый шатл идет на посадку. Осязание: солнце прогревает лицо между порывами ветра, пластиковый руль в ладонях, жесткое сиденье, ремень джинсов, миллион маленьких тактильных сигналов. Странно тихое сердце – бесшумный новый механизм. Это не мое сердце. Моего, старого и больного, я теперь не слышу, это – призрак сердца. Проприоцепция: усилие, чтобы повернуть руль, педали под ногами, скверная осанка, и, кажется, я тогда был выше дюйма на два-три? Но что примечательно: никаких дыр. Безупречная реальность...

Ханс Коппер, доктор наук, гнал тележку с багажом к входу в терминал космопорта. Гнал на максимальной скорости, перед ним никого, другие пассажиры остались позади. Серая полоса с пиктограммками тележек, выгоревшая трава (фебианская!!! не злак, а осока! ладно, потом, еще успею...) по краям. Урчит электрический движок под платформой, руль мягко поворачивается вправо-влево, заставляя тележку выписывать плавную синусоиду.

Это мои руки? Смешные, почти девчоночьи. Кольца исчезли. Не исчезли, просто их еще нет. Там, в другом месте, согнуть большой палец левой к ладони... трудно, пальцы не слушаются. Кольца на месте, оба: кольцо Элизабет на мизинце и его собственное.

Две педали – скорость и тормоз. Нажать, еще раз нажать... нет, это предел, жалко. Знаю, что некуда торопиться, но так хочется летать и бегать!

И вправду хочется. С чего бы? Я же не пил тогда, это точно помню. Я вообще не пил. Просто был такой... восторженный. Ноги на педалях тележки – ох, ничего себе, помню эти немыслимые тапочки, красно-зеленый ужас...

...Кроссовки от Лендора, половина недельного оклада, пусть знают наших! Ступим на грунт Фебы лучшим, что есть на Земле!

Ужас. Каким же я выглядел дураком и сам об этом не подозревал. Что это? Волосы! В глаза лезут. С ума сойти.

Ханс Коппер мотнул головой слева направо, отбрасывая челку с бровей. Нажал тормоз – дорожка кончилась – и сиганул двумя ногами с места через борт тележки.

Сэр Ханс произвольно сжал пальцами подлокотники, как будто мог, перенеся вес на руки, замедлить прыжок и смягчить боль от удара... Боли не было.

Лендоры глухо топнули о покрытие, ноги спружинили.

Ф-фу. Ну конечно, почему бы и не прыгать, когда ничего нигде не ноет, не тянет, не колет и, скажем откровенно, тело гораздо легче. И не думаешь о том, как двигаться, ничего не боишься. Упадешь, встанешь и побежишь дальше.

Цветами пахнет! Вон те кусты. Поразительно, на Земле нет таких ароматов, наверняка эндемик!

Это чубушник, балда. Обыкновенный чубушник. Кусты

вдоль галереи, я проходил мимо тысячу раз, когда улетал отсюда. Ты еще и не видишь вдаль, коррекцию зрения не делал, а работаешь с зум-линзой в глазу. Но аромат поразительный, точно. Давно не ощущал такого, старая собака потеряла нюх. Даже странно, что это только в мозгу.

Да, зрение у него было неважное, дальше десяти метров все расплывалось, и не было зуба сверху слева. В неполных тридцать лет ремонт мелких неисправностей кажется слишком нудным делом, проще гонять на слегка поцарапанной тачке. Зато запахи в зале ожидания – дорогие духи из магазинчиков, горячая пицца, что-то дезинфицирующее от машины-уборщика – были преувеличенными, слишком яркими. И кругом слишком много людей, со всех сторон чужие лица, любопытные взгляды, а эта зеленовато-платиновая блондинка с обширным декольте еще и хихикает в ладошку. Дура. А декольте ничего так.

Если я так волновался из-за других людей, почему не причесывался и зачем купил нелепые тапочки? Загадка. Не принимал женщин всерьез, говоришь? Ха, кто кого не принимал...

С независимым видом, волоча за собой чемодан на колесиках, он прошествовал за колонну, где было поменьше толкотни, вытащил комм, нашел местную сеть и бросил ей денег. Страшно звонить? Не валяй дурака, Ханс, эта планета сплошь заселена незнакомцами, пути назад нет, надо знакомиться.

«Влад Загорский». Имя в соцсетях и на сайте колледжа, фотки с кудрявой бородой, аватарка с орхидеей, похожей на бородатую физиономию. Странная манера общаться, не поймешь, шутит он или говорит всерьез, но, кажется, дельный. Обещал забрать меня из космопорта и подбросить в колледж, значит, не рассердится, если побеспокою...

– Ханс? О, с прибытием! Хорошо добрались?.. Простите, смогу не раньше, чем через полчаса. Нет, автобус до колледжа только вечером...

Голос выше, чем представлялся по фотографиям. Все-таки он забыл про меня? Неудобно получилось. Но полчаса – это ничего. Скоро узнаю, какой он в реале.

Влад Загорский. «Полчаса», брехло старое. На самом деле просижу здесь час с лишним, дожидаясь его, и теперь, значит, не увидимся... Борода потом поседела, но тогда темно-русая. Ростом почти с меня, в плечах намного шире. Голова торчит из спального мешка, Влад подмигивает и гасит фонарик... В сердцах двигает мне по шее, честно сказать, за дело, но мне так обидно, что отвечаю кулаком в пузо... Слепящий холодный дождь, целый водопад, Влад швыряет куртку мне на плечи и орет, перекрикивая гул... Мы стоим на сцене в световом пятне, Влад хвалит меня, я хвалю его, а он, подлец, опускает глаза и возит туда-сюда ботинком... Первая жена Влада, двое детей, вторая жена, персональная фотовыставка, третья жена и внуки. Мемориальная табличка на четвертом корпусе.

– Да, отлично, я подожду. Спасибо, Влад. До встречи.

Приезжий в идиотских кроссовках тащит свой чемодан к барной стойке.

Боже, автомат для выдачи зубочисток. И эти кишки, переливающиеся радугой, днем-то, при свете. И перевернутые фужеры над головой у бармена. Сколько всего я забыл.

– Добрый день.

– Добрый день, сэр, и с прибытием! Давно на Фебе?

– Часа полтора. Тут неплохо, по-моему. (Имя у него на бэдже, людям нравится, когда их зовут по имени и задают простые вопросы.) Стефан, вы не могли бы сказать, что такое лукресин?

– Вроде земного апельсина, сэр. Соку?

– Давайте.

Опершись локтями на стойку, обвив ногами ножку табурета и вертясь на нем туда-сюда (*прилично сидеть никак невозможно? взрослый же балбес*), доктор Коппер следил за руками бармена, как он достает из холодного ящика плоды и разрезает их на половинки длинным ножом. Ну... да, это цитрусовое, но апельсины ты, Стефан, похоже, видел только в кино. Красноватая кожура, форма и размер, как у крупного киви. Пахнет здорово.

Ага, уже не зря слетал. Хоть здесь-то мне можно пить кислое, содержащее сахара и кумарины?! А кофе он возьмет? Не помню. Впрочем, нет: кофеиновый пластырь на руке. Даже не на запястье, а на тыльной стороне кисти, что-

бы все видели, какие мы прогрессивные.

Сок был кисловатым и пах почти так же, как красная кожура. Попросить у него лукресиновою корку понюхать, помять в пальцах, или подумает, что я псих?.. Радиоголос из динамика торопливо что-то бубнит о парламентских дебатах, о каком-то Струссе – повезло человеку с фамилией. (*Силы небесные, Струсс, этот мозговой вирус в человечесем обличье! Кем он тогда был, вице-спикером?*)

Голос смолк, диджей запустил музыку. Скрип и мяуканье губной гармошки, гитара отстукивает ритм. Ханс Коппер равнодушно покосился на динамик, сэр Ханс понял, что узнает эту песню, почти вспомнил слова, еще прежде, чем услышал, и сердце – реальное – сначала пропустило такт, а потом стукнуло, как кулаком об стену:

*Я не могу поверить,
Что она ко мне так близко,
В той постели, что не место для принцесс,
О, я не могу поверить...*

Баритон вибрирует на тихих нижних нотах, интонации слишком грустные для мужского хвастовства. Черт, вот это уже удар ниже пояса, нечестно, незаконно, меня должны были предупредить!.. Дыхание сбилось, глаза под маской обожгло. Этого только не хватало, плачущий старик – отвратительное зрелище, а никуда не деться, музыку в голове невозможно отключить. Песня подействовала с недо-

лимой грубостью лакриматора, адреналина в вену – сопротивление бесполезно, химия воле не подчиняется. А молодой что? Молодой слушает с ухмылочкой: дурацкие стихи, розовые сопли; смутный воображаемый облик певца – этакий самодовольный мачо с модным зализом... кто поет? Местный? Актер, играет в каких-то сериалах для подростков... концерты в столице, Элизабет он тоже нравился, мы вместе ходили на него, покупали все его новые песни... прощание в Зале Славы, проливной дождь, заплаканные бабушки, дочки, внучки, сотни рук, поднятых в его знаменитом жесте; сорок лет прошло, и кто-нибудь еще помнит его, кроме фанатиков олдтайма и последнего живого современника? Давно не слушаю, с тех самых пор. Не только его, никакой музыки. Все файлы убрал в архив.

Здесь и сейчас: солнце мешается с электрическим светом, визжит губная гармошка, звенит гитара, и никому не известный малый, чьим-то упущением пробившийся в дневной подкаст, нашептывает удивленно:

*О, я не могу поверить,
Что держу в своей ладони
Эти тоненькие пальцы
В нашем мире, что не место для чудес...*

Ханс Коппер недовольно взмахнул челкой, слез с табурета, взял свой стакан и направился в угол, подальше от бара. «Уму непостижимо, сколько сантиментов накручивает

массовая культура вокруг простейшей биологической функции. И ведь плебеям это нравится!»

Браво, молодой человек. (Ком в горле разжался, он снова мог дышать.) Спасибо. Ну и дурак же ты, прости Господи. Зелен, как говорится, виноград. Но – спасибо.

За угловым столиком он немедленно вытащил читалку. (*Говорил я вам? Читал весь этот час*). Допил сок, вытер губы горстью. (*Кошмар! И это доктор наук. Ладно, носовые платки тебе покупать некому, но для кого тут стоит салфетница, перед самым твоим носом? Ничего, Вернер ему вгонит ума. Два-три язвительных замечания, и откуда что возьмется*). Раскрыл «Acta Microbiomica Phebae», пробежал пару абзацев, делая пометки – что знакомо, с чем разобраться (сэр Ханс ностальгически умилился материалам и методам вековой давности). Затем поднял голову и уставился перед собой.

Все это совершенно не то, люди. Вы занимаетесь не тем. Реконструировали все связи в геномах нескольких примитивных тварей, важное дело! Перед вами потрясающий полигон, больше, чем все, на что вы могли рассчитывать в самых смелых мечтах, а вы возитесь с мелочами. Надо снаряжать экспедиции, как на Земле в эпоху великих географических открытий. За которыми, как известно всем, кто изучал историю, последовали открытия биологические. Вы сами не знаете, что у вас под носом, и это гребаный стыд. Возитесь с модельными объектами, игнорируете все остальные, –

и да, кстати, как насчет *Homo sapiens*? Слабо поехать в Тронхейм или на Южный Берег? Дюжина одиночек может изменить лицо науки, и конечно, теперь, в эпоху ДНК, возможности одиночек гораздо шире. Никаких гербарных папок, никаких заспиртованных образцов, секвенатор и комм, больше-то ничего и не нужно. И этим можно заниматься параллельно с какой-нибудь работой в провинциях, приносящей деньги, – практическая медицина, биотехнология. Проблема в том, что пропал дух авантюризма, мы слишком привыкли сидеть в уютных кабинетах между столовой и спортзалом...

...Женщина с черной косой. Вот же она, вот! Встает навстречу крепкому парню в кожаной куртке, здороваются за руку. Федералка была права, я видел ее, видел того, к кому она приехала, и если он сейчас обернется, и если не отвернется тот, молодой, занятый своими проектами, рассеянно глядящий в толпу из-за столика, мы сорвем джекпот. Запомнить лицо, как можно больше примет, с современными программами нет проблем восстановить внешность по памяти, а там, глядишь, и найдут... что это, азарт? Заразился от того, с его конкистадорскими мечтами...

А я... а что я? Я здесь чужой, на этой планете. Никому не нужен, ни здесь и вообще нигде. Родные выразились достаточно ясно, а любовь больше не для меня. И не страшно. Люди преувеличивают значение всего этого. Надо полагать, в этом мире достаточно тех, кто умеет думать и хочет делать дело. Для начала, конечно, надо получить положение, имя, а

то никто и слушать не будет...

Берет ее кофр, оборачивается... Ох, ничего себе! Я не знал его тогда, а он меня, но я встретил эту сволочь там, позже... Клаус, его звали Клаус. Он был там, на Шестнадцатой Миле. И в особняке был, и потом подвез нас с Владом до железной дороги. Вот так поворот. Миз Тулле, у меня есть готовый ответ для вас, если вернусь – узнаете. Запомнить этот сон...

Красивая женщина с косою и коренастый парень направились к выходу – к стеклянной стене с дверями. Круглая голова и бизоний загривок человека по имени Клаус обрисовались на светлом фоне, и это было так, словно кусок головоломки нашел свою выемку. Ханс Коппер не собирался глядеть им вслед, в любом случае не смог бы, но все же оглянулся – и увидел, как будто отражение в прозрачном стекле: ступеньки лестницы поверх кипящей у дверей толпы. Семь ступенек и на верхней площадке одинокая женская фигура в длинном халате медового шелка. Женщина подняла руку к плечу, поправляя ворот, отбросила волосы назад; губы ее сжимались, сдерживая смех. Сэр Ханс отметил, что видит ее очень четко, будто его аватар внезапно излечился от близорукости, – но уже чуть раньше он рванулся вперед и крикнул: «Лиз!»

Удар был болезненным, и даже прежде, чем с него стащили маску, зал ожидания начал гаснуть и осыпаться, цветные точки заменялись черными, как на старом экране.

А когда он открыл глаза, увидел потолочные панели и два встревоженных лица, смуглое и бледное. На эту картинку накладывалась другая – интерьер зала ожидания, полупрозрачный и фрагментарный, как лоскуты; край стола и стакан из-под сока; зал пересекали пассажиры с нового рейса, женщина тащила за руку ребенка, парень оглядывался в поисках подруги. Звуки оттуда стали почти неслышными, но от двойной картинки и двойного ощущения тела было муторно, как во время гриппа, хотелось выпрыгнуть из собственной шкуры.

Сэр Ханс поднял руку, чтобы ощупать переносицу. Рука неловко дернулась, пальцы ткнули в щеку. Если я смог стукнуться о крышку, значит, могу и сесть. Скорее всего, тогда мне полегчает.

И вправду полегчало. Стеклянистый зал ожидания не спешил растворяться, но клиника делалась все более реальной, пальцы послушно сжались и разжались. Спрашивают, деликатно трясут за плечо. Доктор Су и... о нет: Клара Тулле? А если бы я лежал здесь нагишом, эта особа все равно торчала бы рядом? Очевидно, да.

– С-се хо-ошо. – Губы и язык были как замороженные, Су метнул панический взгляд вниз и в сторону, на какие-то свои экраны. Не бойтесь, доктор, никакого инсульта, пациент отделался ушибом носа. Он уже чувствовал, как тают фантомные ощущения и возвращаются реальные, включая те, без

которых он с удовольствием обошелся бы. – Дайте мне минуту.

Снова провел рукой по лицу. Подвижность и чувствительность восстановились, видение стало едва заметным. Сердце стучало сильнее, чем следует, но особых опасений не внушало.

– Вот и все, народ, – пробормотал он: губы тоже отмерзли.

– Профессор?

Всегда помни, что нужно окружающим. Если в твоих силах дать им это – дай.

– Да. Су, сначала вам: не беспокойтесь. Субъективные ощущения нормальные. Воспоминание было детальным и отчетливым, без лакун. В конце было нечто вроде, э-э, галлюцинации внутри галлюцинации. Образ, не имевший отношения к данному эпизоду. Рискну предположить, что виновато расторможение зрительной коры. Боюсь, я начал двигаться преждевременно.

– Это моя вина. Я не рассчитал дозу...

– Ничего страшного. Миз Тулле, вам: я видел эту женщину, и более того, могу сказать, кто ее встречал. Человек по имени Клаус, фамилии не знаю. Годом позже он состоял на службе в Концерне Фанга, был кем-то вроде шофера или охранника. Если ваша дама заключила контракт с Фангом и дальнейшие ее следы не обнаруживаются... сами понимаете, выводы невеселые.

– Спасибо, сэр. Огромное вам спасибо.

Клара Тулле осталась профессионально невозмутимой, но в серых глазах словно рассыпался звездами праздничный фейерверк: Правда и Удача! (Так она, стало быть, знала или крепко подозревала, что это Фанг. Мне не говорила во избежание предвзятости или по иным причинам. Ну-ну...) Тут же она осторожно покосилась на доктора Су. Тот был поглощен показаниями приборов и едва ли слышал хоть что-то про какую-то женщину и какого-то Клауса.

– А теперь, если никто не возражает, я хотел бы отсюда вылезти.

В конце концов, я устал после перелета. И вообще устал.

Разумеется, Су не отпустил его так просто. Помимо все-сторонней диагностики, пришлось пересказать весь сон (не упоминая того, о чем попросило не упоминать федеральное агентство) психологу и нейрофизиологу. Это не напоминало перекрестный допрос, а являлось им. Лучший способ исказить и ослабить воспоминание – повторные реконсолидации, чтобы картинка превратилась в описание картинки... Когда сэр Ханс освободился от щупалец ультрасовременной медицины, уже смеркалось.

Медсестры в холле сочувственно посматривали на его нос: конечно, у пожилых людей проблемы с равновесием, упал и ударился, бедный... Посвященные среди персонала отличались более веселыми, любопытными взглядами, перемигивались между собой – так смотрят, когда дети ведут се-

бя как взрослые, а старые – как молодые. В его-то возрасте, когда положено думать о вечном и слушать классическую музыку – какие-то дела с федералами, какие-то секретные опыты, еще и нос себе ушиб...

Нос чем-то замазали, но, должно быть, кое-как, все равно заметно. Сэр Ханс повернулся к зеркалу... вот тебе и на! Откуда эта нелепая поза, наклон головы, рука, согнутая в локте, как будто защищающая грудь, – так поджимает передние лапы собака, когда встает столбиком и клянчит. Не зря я столько времени изживал эту привычку, выглядит ужасно. В голове все еще хозяйничал тот, молодой, нетитулованный, не знавший ни побед, ни утрат, ни правил поведения, и это он рассмеялся, когда старик в зеркале удивленно нахмурился. Кыш! Тебя больше нет, лиганд давно распался.

Было поздновато, но все же он отправился в свой корпус. Для разнообразия – пешком. Подбородок выше, руку в карман. Ничего, пройдет.

Прохладно, но не слишком: выходить на улицу без пальто все еще можно. Запах скошенной травы мешается с запахом опадающих листьев. Фонарь освещает ветви клена – лимонно-желтое пятно в сизом сумраке. Слева, на аллее за деревьями, звенят струны, источник музыки движется (все-таки запись, а не настоящее банджо, нельзя одновременно играть и бежать или катиться на роликах). Светятся белым окна лабораторного корпуса и дальше, за парком, разноцветные огоньки студенческого общежития. Смотреть на них по-

чему-то приятно.

Прогулки он разлюбил давно. Наверное, тогда же, когда и музыку: природа тоже не говорила ничего утешительного и радостного, не дарила надежду. Я здесь чужой. Никому не нужен, ни здесь и вообще нигде. Родные выразились достаточно ясно, а любовь больше не для меня. И не страшно. Люди преувеличивают значение всего этого. Надо полагать, в этом мире достаточно тех, тех, кто умеет думать и хочет работать... – Что за черт? Я только что это думал. Остаточная активация нейронов, прилипчивая мысль. Вроде навязчивой песенки или стишка. Скрип губной гармошки. Запах лукресиновой кожуры. Ехидная улыбка девицы с зеленоватыми волосами – сейчас она глубокая старушка, если еще жива, но я так отчетливо вижу эту улыбку.

Только что я убедился: прежний я на самом деле никуда не исчез. Он здесь, его можно вызвать к жизни, воспроизвести с пугающей точностью.

Я вам больше скажу: от него теперь трудно избавиться. Интересный феномен. Даунгрейд, возвращение к более ранней версии. Давно, казалось бы, стертой, нефункциональной, ранимой и бестолковой, не позволяющей эффективно взаимодействовать с людьми, и все-таки...

Все-таки почему я не сделал этого? Не реактивации, пес с ней, а всего того, о чем мечтал по прилете? Сам отправился в экспедицию при первой возможности, но потом стало не до того... а потом тем более. Надо было решить более на-

сущные задачи, раздобыть средства, получить имя. Теперь у меня есть и то и другое. Чего же у меня нет? Сил. Времени. Все дело в том, что есть определенные обязательства...

Список ежевечерних дел высветился перед глазами, будто на экранчике. Сэр Ханс просмотрел этот список – и закрыл его с пугающей бессовестной легкостью влюбленного изменника: да-да-да, знаю-знаю, но мы разберемся с этим как-нибудь после. Доктор Коппер во времена оны почти каждый день составлял такие списки, но никогда не мог добраться до конца: мелкие скучные дела оставались невычеркнутыми.

Впрочем, одно дело отложить не удастся.

Он едва успел завершить поиск, как снова явилась Клара Тулле. Терпеливо, под запись, он повторил для нее все, что ее интересовало.

– Могу предположить, что ваше расследование окажется коротким. В землях, где распоряжался Концерн, несанкционированные манипуляции с генетическим материалом были обычным делом. Если женщину пришлось ликвидировать, не пропадать же земному генотипу.

Помимо отвращения – что это у нее в глазах, неужели любопытство? Столь профессиональная дама, конечно, в курсе, что леди Элизабет Коппер когда-то называлась мадам Фанг. Существует приемлемая для прессы история ее знакомства с малоизвестным молодым ученым, однако подробностей не знает никто. Из ныне живущих – точно. И не ты, милочка, заполнишь это белое пятно.

– Вы хорошо осведомлены о делах Концерна, – сделала она попытку.

– В мое время это не было тайной ни для кого. (И давай-ка поговорил о другом, чтобы ты сразу забыла о моих персональных секретах.) Мне крайне жаль, что новости для мистера Кавасаки оказались столь удручающими.

– Причем здесь мистер Кавасаки? – Это ледяное удивление весьма неплохо сделано. Впрочем, удивление отчасти настоящее. Значит, в точку.

– В Сети полно превосходных портретов господина министра, – снисходительно начал он, будто объясняя задачу медленно думающему, но в целом хорошему сотруднику. – Еще полвека назад не только специалисты знали, что означает золотистый сектор радужной оболочки глаза. Сигнатура гентехнологов Концерна, миз Тулле. По моему мнению, прекрасно, что сегодня это никого не волнует, но ваш покорный слуга – живой реликт тех времен и к тому же по одной из специализаций офтальмолог. Это было первым, о чем я подумал, когда впервые увидел изображение министра Кавасаки. Кстати, его бабушка потеряла родителей в младенчестве, ее удочерили – очень трогательная история. Два поколения, как вы сказали при нашей первой встрече?

– Вы в самом деле считаете, что агентство занимается частными расследованиями по поручениям высокопоставленных лиц?

– Боже сохрани. Не сомневаюсь ни секунды, речь идет о

расследовании преступлений, в которых пострадали многие граждане. Но я отметил для себя вашу настойчивость («... готовность прикончить меня, если понадобится...») и подумал, что в данном случае затронуты интересы весьма высокопоставленного лица.

– Я не буду комментировать ваше предположение. Но в любом случае, надеюсь, вы не станете о нем распространяться.

А если стану, то что, милая девочка?

– Конечно, нет. Собственно, я о другом. Если глубокоуважаемый министр захочет поговорить со мной, он может рассчитывать на мое согласие.

Ему показалось, он видит, как мелькает поиск файлов в ее глазах.

– Это вы хотите с ним поговорить? Попросить о чем-то?

– Я бы не назвал это просьбой. Просто немного внимания к финансовым нуждам нашей лаборатории, в том, что касается его ведомства.

Хоть шерсти клоч. Заодно прекратятся недоумения по поводу моего поступка, когда просочится инфа о том, что я оказал услугу одному из главных наших покровителей. А деньги никогда не бывают лишними.

Проводив федералку, он задержался в общей комнате. Все уже ушли, один Даниэль сидел за терминалом, на сей раз без шлема.

Болтают, что я внимателен к людям и знаю все про каж-

дого. А что я знаю о своем личном помощнике и соавторе, за вычетом CV и списка публикаций? Занимается греблей, входит в команду колледжа, а еще? Друзья, девушка? Вопреки распространенному мнению, обычаи Ротонды не возбраняют любовные отношения, но есть ли девушка у Даниэля? Видимо, нет, иначе он не торчал бы здесь до полуночи. Или они теперь делают это виртуально? Ажурная вязь электродов ярко поблескивает золотой паутиной. А за ушами у него не мыто, и отсутствие волос не позволяет игнорировать этот факт. Мы такими не...

О да. Наши волосы свисали до самого носа!

Даниэль обернулся на странные звуки. Вежливо улыбнулся, а в глазах тревога: шеф смеется? Уж не перевернулся ли мир, или, что более вероятно, не поломались ли у кого-то чипы в голове?

– Прошу прощения, это я о своем. Вот что вы мне скажите, Даниэль: помните наш разговор об экспедиции?

Даниэль неуверенно кивнул. Так значит, это был разговор, и шеф его даже помнит? Тогда он излагал свою идею, запинаясь и путая слова, все больше убеждаясь и в том, что его не слушают и что идея дурацкая... И в чем теперь подвох? Настоящему ученому не стоит тратить время на воздушные замки, к этому он ведет, да?..

– Я вас попрошу: набросайте мне перечень всего необходимого. Транспорт, оборудование, штатные единицы, связь и так далее, смотрите сами, что еще. Потом прикинем общую

стоимость, и я подумаю, что можно сделать. У меня появились соображения по поводу того, как сделать эту затею частично самоокупаемой.

На лицо Даниэля стоило посмотреть.

2. Мед поэзии

Хитростью и упорством Один добыл мед поэзии у великана Суттунга и дал его тем людям, что умеют слагать стихи. Напиток этот волшебный. Всем известно, что стихи – не простые слова, а могущественные заклинания: как скажет скальд, так и сбудется.

Денис Тихий. Бестолочь

Толкать – пересылать информацию другому человеку или нейт-программам с помощью взжигленного трансмиттера TALCH (см. TALCH). См. также: перетолчем (обсудим совместно), растолчем (решим задачу, объединив свои Т. в распределенную сеть). См. также: толчок, толченьй, толковать, бестолочь. Нейт-слоеарь русского языка, 2074 год.

В другой день Анастас не обратил бы внимания на эту девушку, но сегодня мир казался веселым, сочным и звонким, как спелое яблоко. Его зачислили на четвертый курс Медицинской академии! Третье место в рейтинге студентов! Предстояли каникулы, он ехал домой к родителям, для стороннего наблюдателя – на скоростном поезде, но на самом деле – на гарцующем белоснежном коне триумфатора.

Девушка оказалась под стать дню – оранжевые джинсы, зеленая мембранка с короткими рукавами и анимированной картинкой – кельтские орнаменты, свивающиеся крестами и треугольниками. С левого уха падали на плечо три тонкие косички с вплетенными бусами. Симпатичная и курносенькая, она улыбалась, замысловато шевеля пальцами рук, как будто собирала невидимый кубик Рубика – играла в нейте, а может, и работала, многие в дороге работают.

Мерцающий перед лицом Анастаса посадочный талон

подлетел к соседнему креслу и закурился над ним. Анастас занял свое место рядом с девушкой, бросил рюкзак под сидение и пристегнул ремень. Из желтого квадрата, нарисованного на спинке впередистоящего кресла, выглянул маленький панда в фуражке с козырьком:

– Анастас, добро пожаловать на маглев Москва – Владивосток, – сказал панда. – Мы отправимся через три минуты. Время в пути – четыре часа. Спасибо, что пристегнул ремень! Нет ничего вкуснее, чем жевать в дороге пастилу «Нямла Тройной Взрыв Вкуса», которую можно купить...

Анастас прогнал панду щелчком пальца и вызвал схему вагона в нейте. Разбросав взглядом рекламные кубики, он подтянул поближе изображения кресел: рядом с маленьким полупрозрачным Анастасом сидела маленькая полупрозрачная девушка – аватарка. Он тронул взглядом ее фигурку, в надежде, что она не закрыла социальные контакты. Удача! Аватарка девушки повернулась к Анастасу, улыбнулась и сказала:

– Привет! Еду во Владивосток. Ты не из нашего комьюнити. Я люблю нейтреал «Жнецы Времени» и фрактальные шашки. Хочешь познакомиться?

Анастаса вжало в кресло – маглев начал плавно набирать ход. Проплыл за окном перрон «Москва Радиальная», остались позади кадки с живыми деревьями и цилиндрические аквариумы с важными пучеглазыми рыбами. Из желтого квадратика со спинки переднего кресла выпрыгнул панда

и сказал:

– Мы тронулись, Анастас. Через минуту нырнем в вакуумный тоннель и начнем разгон. Не вставай с места до полного набора скорости.

Анастас отодвинул панду в сторону, вызвал нейт-Проводника и спросил:

– Викитека нейтреал «Жнецы Времени».

– Ищу, – откликнулся Проводник.

– Анастас, ты уже попробовал пастилу «Нямла Тройной Взрыв Вкуса»? – выскочил на передний план панда в фуражке.

– Нашел, – сказал Проводник. – Время осознания тридцать две секунды. Толкаем?

– Толкаем.

Перед глазами появился бежевый бумажный прямоугольник. Он разделился на шесть квадратиков, которые с тихим шелестом свернулись в куб. Его грани озарились изнутри теплым светом, он тихо зазвенел и растворился. Анастас закрыл глаза на полминуты, а когда он открыл их, то знал всё, что знала викитека про «Жнецов Времени». Его соседка оделась в стиле Юки Чо, девочки из клана Феррумов, обладательницы Ключа От Всех Дверей. «Познакомлюсь!» – отчаянно решил Анастас. Он подозвал аватарку соседки и толкнул:

– Привет. Я еду во Владивосток в соседнем кресле. Я – Анастас. С этого дня учусь на четвертом курсе Меда. Бу-

ду нейрохирургом. Смайл-смайл. Четыре часа ехать скучно, может, потолкаем фрактальные шашки? Или перетолчем про «Жнецов Времени»? Пынь!

Анастас глянул в окно – маглев несся по вакуумному тоннелю. За окном стало черным-черно, стекло превратилось в зеркало, в котором он увидел свою соседку. Их глаза встретились в зеркальном отражении, она подняла руку, соединила большой палец с мизинцем в знаке приветствия клана Феррумов и улыбнулась. Анастас с улыбкой повернулся к ней, в этот момент всё и случилось...

На него обрушился яростный грохот, визг и скрежет. Рвало железо, сминалось и лопалось бронированное стекло. Жесткий белый шар, мгновенно раздувшийся из спинки впереди стоящего кресла, звонко ударил его в лицо, свернув набок нос. Ремень, которым Анастас был пристегнут, с костяным хрустом вжал его в кресло, и невозможно стало вздохнуть. Кресло, затрещав, подалось и вылетело из напольных креплений. Мир опрокинулся. На секунду он увидел вагон маглева под странным углом, будто бы с потолка. Над креслами пучились белоснежные шары подушек безопасности, в воздухе висели стеклянные кубики лопнувшего оконного бронестекла. А потом что-то прилетело Анастасу в голову, и наступила непроглядная тьма.

Телевизор говорил взволнованными голосами. Телевизор. Откуда же они притащили это старье? Анастас повернул го-

лову в сторону висящего на стене недоразумения, но не стал фокусировать взгляд.

– Давайте напомним нашим зрителям, как развивались события, – сказала баритоном разбухшее зеленое пятно.

– Четвертого августа террористы заминировали вакуумный тоннель московской станции маглева, – ответило разбухшее синее контральто. – Достоверно известно, что две мины были заложены в шлюзовую камеру и еще четыре в полотно разгонной магистрали. В результате взрывов погибло пятьдесят четыре человека из числа пассажиров триста восьмого маглева, следующего рейсом Москва – Владивосток. Более двухсот человек попали в клиники Москвы в состояниях различной степени тяжести.

– Насколько точны сведения о том, что террористы использовали самособирающиеся мины системы «Термит»? – спросило зеленое пятно.

– Источник в Министерстве по борьбе с терроризмом сообщил, что сведения эти весьма достоверны, – ответило синее пятно. – Однако, нельзя забывать, что...

Анастас сфокусировал взгляд. Он лежал в небольшой одноместной палате. На стене висел болбочущий телевизор. Анастас сделал мысленное усилие, чтобы вызвать меню управления телевизором, но, конечно, ничего не получилось. «Мне же прокалывают нейромедиаторы, TALCH не работает», – подумал Анастас. Ощущение не из приятных, трудно быть бестолочью. Он дотянулся рукой до пульта, ле-

жащего на прикроватном столике, и поднес его к глазам.

– ...в настоящее время ведется расчистка вакуумного тоннеля, – сказала контрольно.

– Спасатели предполагают найти тела погибших? – спросил баритон.

– Не предполагают. Все погибшие обнаружены, – ответило контрольно.

– Сколько людей до сих пор находятся в больницах? – спросил баритон.

– Все пострадавшие в результате теракта выписались из больниц, – успокоило контрольно.

– Напоминаю, что ровно один месяц назад на станции «Москва Радиальная» прогремели шесть взрывов, унесших жизни пятидесяти четырех человек, – со сдержанной скорбью сказал баритон и продолжил, помедлив секунду. – А теперь новости из Австралии...

Анастас нажал красную кнопку, и телевизор умолк. Пульт выглядел странно и немного стыдно, словно часть протеза. Анастас вспомнил прабабушку, которая на ночь клала в стакан с водой вставную челюсть. Да, определенно – этот пульт и та вставная челюсть носили на себе одинаковый след неполноценности, какой-то печальной интимности.

«Выписались, ага», – подумал Анастас. – «А меня, значит, можно не считать?» Мысли текли вязкие, клейкие, как больничная каша. Даже такую короткую мысль он продумывал мучительно долго, словно камни ворочал. Неделю назад

приезжали из Владивостока родители и дядя Георг. Ты давай, поправляйся. У нас в роду все мужчины крепкие. Пей настойку по чайной ложке трижды в день. Главное – кушай и не думай ни о чем. Отдохни, сыночек. Там лимонник, там женьшень, там пантокрин из оленьих рогов. Приходили из страховой, вот дядя Георг расскажет. Кресло твое было с дефектом, мы с них вытрясем теперь денег. А можно в чай добавлять, она сладкая, с медом.

В детстве они с Олегом запихнули булыжники в старую стиральную машинку, которая стояла у папы в гараже. Машинка гудела и тряслась, гремела камнями, пока не упала на бок, вот ведь ржака была. Теперь в его голове вращался этот ржавый барабан, и мысли бились друг о друга, как те кирпичи, но где тот шнур, который можно выдернуть из розетки, чтобы прекратить грохот и тряску.

Жуликоватая девица с бегающими глазами. «Я из страховой компании». Пуговка расстегнута...

Дядя Георг, с волосатыми руками... Твоя семья за тебя! Главное – не думай!

С лимонником. Трижды в день. Трижды. В. День. Три. Жды.

Висят стеклянные кубики... И красные шарики...

Вытрясем! Трясем-трясем-трясем!

Всё трещит по швам...

Лопается...

Грохо.

Че.

Т.

Он кричит, схватившись за голову, ощущая, как набирает обороты проклятая камнедробилка. Влетают в палату белые пятна, фыр-фыр-фыркает иньектор и в обезумевший барабан втыкается клин, все камни повисают в воздухе, Анастасу остается только пронырнуть в небытие за то время, пока они не обрушатся вниз. И он успевает, как и всегда.

Маленькая комната с мягкими стенами. Зализанные углы, ничего острого, тревожного, раздражающего. Наверное, в психушке такие комнаты. Анастас сидел в удобном кресле, за его спиной стояла медицинская сестра, а перед ним прохаживался Николай Эрикович, его лечащий врач.

– Это базовый тест. Нулевой уровень сложности. Такие мы проводим с детьми, – сказал Николай Эрикович.

– Я понял, – кивнул Анастас.

Николай Эрикович махнул рукой медсестре, лицо его дернулось – отправил ей невидимый Анастасу толчок. Она прижала иньектор к предплечью Анастаса и нажала на кнопку. Транквилизатор. Афрзипам, вероятно. На его голову опустился легкий шлем. Анастас не видел его со стороны, но прекрасно знал, как этот шлем выглядит – ажурная белая полусфера с пучком светящихся световодов на макушке.

– Как ты помнишь, мы угнетаем работу TALCH у тебя в мозгу. После травмы твой TALCH работает неправильно, вызывает головные боли, спутанность сознания и синкопаль-

ные состояния. Сейчас тебе ввели транквилизатор, который разбудит твой TALCH. Эта комната экранирована от нейта, здесь развернута наша базовая сеть...

– Николай Эрикович, я всё понимаю, – перебил его Анастас. – Я же ваш коллега, без десяти минут.

Николай Эрикович посмотрел на него и покивал головой. Он нравился Анастасу, сдержанный и не бросающийся ни в цинизм, ни в сюсюканье.

– Как мой будущий коллега, ты понимаешь, что мне нужно отработать протокол?

– Да, больше не перебиваю, – нервно улыбнулся Анастас.

– Напомню, что TALCH – это трансммиттер, вживленный в мозг через две недели после твоего рождения. Вживление реализовано в виде нескольких инъекций нанорепликаторов, которые, двигаясь по кровеносным сосудам и преодолев гематоэнцефалический барьер, проникли в мозг. Я не буду вдаваться в подробности самосборки TALCH, тебе достаточно понимать: трансммиттер состоит на семьдесят процентов из твоих клеток и на тридцать процентов из тончайших нанорепликационных нитей. У нас нет возможности разобрать испортившийся TALCH и вживить новый...

– Я понимаю.

– Мы закончили пятидневный курс терапии, которая должна была привести TALCH в состояние гистерезиса. Хочу убедиться, что ты осознаешь: сегодня итоговое тестирование, коллега.

– Понимаю, – сжал кулаки Анастас. – Осознаю.

– Хорошо, – ободряюще улыбнулся Николай Эрикович. – Как ты знаешь, у TALCH есть несколько важных функций. Дополненная реальность: от общей, вроде нарисованных вывесок и всякой навигации, до специальной, как у военных или у врачей. Доступ в нейт со всеми любимыми плюшками: социальными сетями, нейтралами и всем остальным. Ну и главное: осознание.

– Возможность пользоваться знаниями из специализированных викитек, как своими.

– Да. Когда ты разрешаешь своему Проводнику толкнуть тебе викитеку, то за твоей спиной распускаются невидимые крылья, возносящие тебя над землей дилетантов. Описывать не стану – ты переживал это состояние много раз. Мы пройдем три теста на управление визуализацией: управляемое движение, трансформации, свободное движение. Этот детский сад предлагаю пробежать быстренько, чтобы я уточнил твои пороговые реакции, а потом перейдем к главному – осознание информации. Параметры реакций будем снимать шлемом «У-08».

– «Шлем Ужаса» в простонародье, – кивнул головой Анастас.

– Он самый, восьмерка. Не выходи за рамки теста, это важно. Транквилизатор подействовал. Готов?

– Готов, – бодро сказал Анастас.

– Пынь! – Анастас получил толчок от Николая Эрикови-

ча.

– Привет! – быстро ответил он.

– Как себя чувствуешь? Приступаем?

– Да, всё прекрасно.

Перед лицом Анастаса повис глянцевый белый шарик. На мгновение он испугался, что не справится, но потом вспомнил, что такие же задания выполнял еще в первом классе. Он зацепил шарик взглядом и толкнул Николаю Эриковичу. Врач перехватил подачу и послал шарик Анастасу в левый нижний угол. Захват и бросок в правый верхний. Накат слева. Накат справа. Топ-спин. Подрезка. Тыц-тыц-тыц-бах! На переменах так играли. Анастас забил шарик прямо в лоб Николаю Эриковичу.

– Прошу прощения!

– Молодец, неплохо. С управляемым движением всё ясно. Давай трансформации.

Шарик вновь появился перед лицом. Анастас перекрасил его черным, так что он стал похож на огромную спелую черешню. Убрал глянец и сделал шарик матовым. Раздул его до размера баскетбольного мяча. Разрезал на две половинки. Развалил на дольки, как апельсин. Склеил дольки в шар. Перекрасил в зеленый. Вытянул упругие иголки.

– Смотрите – каштан.

– Не спеши.

Втянул иголки. Обжал шар в октаэдр. Раздвинул в икосаэдр, увеличил в два раза. Трансформировал в додекаэдр.

– Вижу, умеешь. Не усердствуй, мы отработываем базовый уровень, – толкнул Николай Эрикович, раскидывая какие-то цифры в большую таблицу, развернутую на полу.

– Можно и посложнее, я всё контролирую, – радостно ответил Анастас, упоенный вернувшимися способностями.

– Переходим к свободному движению. Давай простенькое – солнышко.

Анастас разъял додекаэдр на девять частей. Одну часть раздул в большой шар, окрасил в желтый цвет и подсветил – над полом повисло маленькое Солнце. В школе он добавлял протуберанцы и темные пятна, но сейчас было не до того. Остальные восемь частей превратил в шарики и выставил в один ряд на манер бус. Придал размеры и перекрасил: белый, желтый, голубой, красный, рыжий, бежевый, и два последних льдисто-синие. Ввел параметр массы и подтолкнул планеты к вращению. Меркурий тут же слипся с Солнцем, а Уран въехал в Нептун. Но все остальные планеты послушно устремились в свой полет. Свободное движение, которое Анастас не контролировал.

– Закрутить вокруг своей оси забыл, – вспомнил Анастас. – Минуточку...

– Не надо, – Николай Эрикович махнул рукой, и планеты попадали на пол, как мячики. – Переходим к осознанию. Давай-ка попробуем что-нибудь простенькое, – он добавил в свою таблицу еще несколько цифр.

– Вики «Льюис Кэрролл» обнаружена. Время осознания

двенадцать секунд. Толкаем? – спросил Проводник.

– Толкаем, – подтвердил Анастас.

Перед лицом Анастаса появился пурпурный прямоугольник, разделился на шесть квадратов и собрался в куб. Он подсветился изнутри и растворился в воздухе. Анастас закрыл глаза и прислушался к своим ощущениям – по спине скатилась капелька пота, и сильно зачесался нос, вот и все ощущения.

– Готово? – спросил он, открыв глаза.

– От уксуса – кукусятся, а что делают от перца? – спросил Николай Эрикович.

– То есть? – не понял Анастас.

– Соберись! – потребовал Николай Эрикович.

– Я не очень... Это уже тестовый вопрос? – Анастас запамятовал, он совершенно не понимал, о чем его спрашивают.

– Три в квадрате?

– Э... Девять!

– Корень квадратный из двадцати пяти?

– Перечат! От перца – перечат! – заорал Анастас, вскочив с кресла. – А корень из двадцати пяти – пять!

– Вернись в кресло. Где обитают мюмзики?

– В мове!

– Как выглядела карта морей Балабола?

– Чистый лист бумаги!

– Точнее!

– Синий! Синий лист бумаги! А на нашей, как в море,

одна синева, вот так карта – приятно взглянуть!

– Четыре действия арифметики, которые изучал Черепаха Квази?

– Скольжение, умиление, причитание и изнеможение!

– Из чего делают крендели?

– По мнению Кухарки – из перца, по мнению Сони – из киселя!

– Кто часто посещал остров, на котором был убит Бармаглот?

– Хворобей и Брандашмыг!

Николай Эрикович развернул на полу таблицу и бросил в нее несколько цифр. Из пола выросли разноцветные столбцы диаграммы.

– Ну как? – спросил Анастас. – Я чувствую себя отлично. Всё получилось?

Николай Эрикович ничего не ответил, вытащил из воздуха черный куб и бросил его Анастасу.

– Откат вики «Льюис Кэрролл». Время отката – сто миллисекунд. Толкаем? – спросил Проводник.

– Толкаем.

Черный куб рассыпался пылью. Анастас постарался припомнить какой-нибудь забавный стишок из тех, что он только что знал, но ничего не вспомнил, кроме слов: «Папа Вильям, – сказал любопытный малыш». Николай Эрикович выдернул из таблицы плавную кривую, подвесил на нее несколько точек и стал их двигать, пытаясь найти какое-то

соответствие. Лицо его не выражало ровным счетом никаких эмоций. Наконец, наигравшись с кривой, он свернул свою математику и посмотрел на Анастаса.

– Давай попробуем накатить тебе еще одну вичку?

– Конечно. Без проблем, – согласился Анастас.

– Вики «Туве Янссон» обнаружена. Время осознания двадцать семь секунд. Толкаем? – спросил Проводник.

– Толкаем, – подтвердил Анастас.

Появился и рассыпался в воздухе зеленый кубик. Анастас вытер влажные ладони о пижамные брюки. Главное – собраться. Всё отлично.

– Кто просыпается позже всех в Муми-доле? – спросил Николай Эрикович.

– Снифф, – быстро ответил Анастас.

– Что получила Морра в обмен на рубин?

– Шляпу Волшебника!

– Кто сложил из снежков фонарь?

– Юка Чо.

– Кто жил в домике, круглом, как тюлень?

– Морж и Плотник.

Анастас краем глаза увидел, что кто-то прошмыгнул по полу мимо его кресла. Он скосил глаза налево, но никого не увидел.

– Какие-то затруднения? – спросил Николай Эрикович, пристально глядя на Анастаса.

– Всё нормально.

– Еще раз: кто жил в домике, круглом, как тюлень?

– Рыболов.

– Почему Снифф склонен к головокружениям?

Из-за плеча Николая Эриковича всплыла пушистая бело-рыжая кошачья морда. Одна только морда, без туловища, лап и хвоста. Морда широко улыбалась.

– Из-за перенесенного в детстве воспаления уха, – ответил Анастас. – А этот кот – тоже часть теста?

– Какой «код»? – удивился Николай Эрикович. – Кто заморозил маленького глупого бельчонка?

– Я не тест, – сказал кот. – Я – сам по себе кот.

– Белая Королева, – ответил Анастас. Он вспомнил, что в некоторых тестах используются отвлекающие элементы, и решил не обращать на кота внимания.

– Какое слово твердил зверек с косматыми бровями? – спросил Николай Эрикович.

– Слово «радамса», – Анастас улыбнулся, увидев, что брови Николая Эриковича зашевелились и стали разрастаться рыжей кошачьей шерстью.

– За такие словечки я бы оттяпал тебе голову, – пробурчал кот, перелетая в угол кабинета, как надувной шарик с гелием.

– С помощью чего путешествуют хатифнатты?

– Это очень отсталый способ путешествия, – поджав губы, сказала Черная Королева. Она взбиралась по штанине Николая Эриковича. – В нашей стране надо бежать со всех ног,

чтобы просто остаться на месте!

– Отрубите ему голову, – улыбаясь, промурлыкал кот. –
Голову ему с плеч!

– Анастас, с тобой всё в порядке? – взволнованно спросил
Николай Эрикович.

– Разберем по порядку. На вкус он не сладкий, жестковат,
но приятно хрустит, – ответил Анастас.

Пол под его ногами вдруг быстро поехал вниз. Анастас
подобрал ноги и поднялся на кресле, чтобы успеть выпрыг-
нуть из колодца, пока его стены не стали слишком высоки-
ми. Он изо всех сил подпрыгнул, пытаясь ухватиться за край,
но сорвался и упал в бездну, обо что-то сильно ударившись
спиной.

– Гипорониум три кубика! – закричал Николай Эрикович,
распространяя во все стороны волны желтого света.

– Фыр! – крикнула сиреневая медсестра, вцепляясь в Ана-
стаса десятком рук.

– Мы с ним поссорились в марте, – печально сказал Бол-
ванщик и указал на Анастаса чайной ложечкой. – Как раз
перед тем, как этот вот спятил.

– Одумайся, дружок. Ты ведь совсем ребенок! – погладил
Анастаса по голове Червовый Король.

А дальше он ничего не помнил.

«Больному 23 года. Единственный ребенок в семье, бере-
менность протекала нормально. Развернутая викитека: «Ис-

тория жизни». Объективный анамнез: больной поступил для лечения, как пострадавший во время теракта викитека: «FG03J». Жалобы: трудность в использовании TALCH, головные боли, спутанность сознания, синкопальные состояния. Диагноз: трансммиттерное сотрясение головного мозга. Терапия: альфокам – 250 мг/сут, липоцин – 400 мг/сут, пентазин – 60 мг/сут. После окончания терапии с больным было проведено базовое тестирование викитека: «LCTJ08». На четвертом этапе тестирования обнаружены две локальные зеркальности на кривой Гофмана. Отмена отката викитек привела к делирию, наплыву зрительных галлюцинаций и ярких чувственных парейдолий.

Диагноз: фрактальная трансммиттерная шизофрения.

Рекомендации: курс мемотомба, для полного купирования трансммиттера TALCH.

Примечание: больной от курса купирования решительно отказался. Направлен в реабилитационный центр.

Врач-трансммиттолог: Вокин Н.Э.»

В столовую зашел Пророк, тощий, как сушеный кузнечик. Его белые волосы, похожие на растрепанную паутину, торчали двумя клоками над просвеченными солнцем розовыми ушами. Пророк взял поднос, поставил на него тарелку, несколько бутылочек с йогуртами и окинул зал взглядом выпученных глаз.

«Только не ко мне!» – с ужасом подумал Анастас, отводя

взгляд.

И конечно, Пророк выбрал его. Он притащился через всю столовую, приволакивая правую ногу, он брякнул поднос об стол, и уселся напротив Анастаса, и тихонько пукнул.

– Привет, Анастас! – тревожно сказал Пророк.

– Здравствуйте, Роберт Захарович, – ответил Анастас, принимаясь усиленно пережевывать завтрак. Сегодня дали мюсли.

– Отличное утро в цитадели здравомыслия, – сказал Пророк, подцепляя крышечку и выдавливая йогурт себе в тарелку. – Сегодня перед сном я много думал и вот что решил...

Анастас не поддерживал разговор – Пророку это и не нужно. Ему только дай уши, а рот держите на застёжке. Однажды его посадили в карцер, и он трое суток миссионерствовал несчастной зимней мухе, спящей между стекол. В пятьдесят три года Роберт Захарович решил, что человечество захватили демонические мозговые паразиты под видом транмиттеров TALCH. Он купил в магазине карбофос, смешал его со святой водой в сакральной пропорции и «с молитовкой, понял, да!» выпил.

– ...Это не демоны, а инопланетяне, понял, да! Посмотри вокруг, как прекрасен мир без мозгожуев!

Анастас посмотрел вокруг. Стены столовой были выкрашены в персиковый цвет. Сквозь матовые окна струилось яркое осеннее солнце. На стенах были написаны огромные буквы русского алфавита, прямо как в детском садике. Многие

постояльцы не знали букв – в мире транзиттеров они были не нужны. В столовой сидели человек двадцать, по одному человеку за столиком, только ему повезло.

– ...Завтра высадутся у Кремля, а никто и не заметит – мозгожуи всё подчистят! Детишкам-крохотулечкам впрыскивают демонское зелье, понял, да! – похоже, что версия с инопланетянами уступала место гибриду.

В столовую вошла Ольга. Поставила на поднос мисочку с нарезанным яблоком. Отставила, выбрала мисочку с ананасом. Передумала. Положила яйцо. Второе. Убрала яйца, но вернула яблоко. Поставила мюсли и йогурт. Вернула яблоко и поставила ананас. Положила яйцо. Отойдя от раздачи, Ольга посмотрела в зал и встретила взглядом с Анастасом.

«Да ладно!» – подумал Анастас, когда Ольга неуверенно двинулась к их с Пророком столику.

Она прошла мимо, дошла до стены, постояла возле исполнинских оранжевых Э Ю Я, заложила петлю вокруг столика, за которым сидел рыжий Тикиляйнен, и наконец поставила поднос на самый краешек их стола.

– Можно? – спросила Ольга.

– ...Откуда мне известно? У нас самые большие запасы оксида дейтерия в Солнечной системе, понял, да! – вещал Пророк, не глядя по сторонам.

– Можно, – ответил Анастас.

Ольга села рядом с ним, пододвинула мюсли, достала из кармана небольшой томик, раскрыла на заложенной страни-

це и углубилась в чтение.

Чтение. Они тут все повернуты на чтении. Даже вермишелевый суп дают с буквами. Перед отъездом в пансионат «Опора Жизни» Анастас имел короткую, но неприятную беседу с Николаем Эриковичем и Жанной из страховой компании. Николай Эрикович настаивал на немедленном курсе мемотомба, а Жанна напирала на необходимость пройти реабилитацию.

– Скольким людям с диагнозом «фрактальная шизофрения» помогла эта реабилитация? – возмущался Николай Эрикович.

– Вся статистика лежит на нейт-пойнте «Опоры Жизни», – парировала Жанна.

– Вот! Вот я ее смотрю, – тыкал пальцем в пустой воздух Николай Эрикович. – Полтора процента! Это же в пределах статпогрешности, скажете, нет?

– Я не разбираюсь в математике, – улыбнулась Анастасу Жанна. – Но даже полтора процента – за это стоит бороться, правда?

– Правда, – сказал Анастас.

Николай Эрикович выставил упирающуюся Жанну из кабинета, сел на стол и посмотрел Анастасу в глаза. Лицо у врача дергалось – то ли он одновременно осознавал вкитечку, то ли просто был разъярен.

– Послушай, Анастас... Нет, ты меня выслушай до конца, а потом реши. Мне очень тебя жаль, но поверь моему опы-

ту, а он немаленький. Твой TALCH не восстановится. Любая попытка вновь его расшевелить приведет к еще более тяжким последствиям, тебе придется сидеть на нейромедиаторах всю оставшуюся жизнь.

– Я понимаю...

– Не перебивай! Ты сам знаешь, как они вредны для организма. Кроме них понадобятся процедуры для чистки печени, и еще множество сопутствующих препаратов. Но я даже не об этом!

Николай Эрикович слез со стола и грянулся в свое кресло. Он с ненавистью посмотрел на закрытую дверь, за которой ждала Жанна.

– Если делаешь операцию сейчас, то лишаешься TALCH и получаешь крупную страховую выплату от них. Дефект в кресле влетит им в хорошую копеечку. На эти деньги сможешь безбедно жить. Если ложишься на реабилитацию, то так же лишаешься TALCH, но лишаешься и денег! Вся твоя страховка будет выплачиваться «Опоре Жизни», а они завязаны на твою страховую компанию! Они просто хотят переложить деньги из левого кармана в правый, а потом тебе скажут: «Извини, парень, ничего не вышло!» – и ты придешь на операцию купирования, только уже без денег и без здоровья!

В дверь заколотили.

– Я разговариваю с пациентом, просьба не шуметь! – яростно заорал на дверь Николай Эрикович. – Они помогают людям с другими проблемами, трансаллергики, нейроманы

и еще много чего, но не в твоём случае! Не в твоём! Подумай, парень...

– Я уже подумал, – ответил Анастас, поднимаясь.

– И? Что ты решил?

– Простите, – сказал Анастас.

Он покосился на Ольгину книжечку. «Романс об испанской жандармерии» Ф. Г. Лорка. Изю всех слов понятно только слово «испанской». Романс – это, кажется, что-то из музыки? Анастас доел завтрак, встал из-за стола и отнес тарелки в специальную дыру в стене. Через полчаса начинались занятия, он хотел немного посидеть в одиночестве, в пустой аудитории. Выходя из столовой, Анастас увидел, как Ольга отсаживается от Пророка за соседний столик.

Занятия сегодня вела Марфа Венцеславовна, для своих просто Марфа, неунывающая крупная женщина с толстой рыжей косой, румянцем, веснушками и огромными коровьими глазами. Она, как и всегда, носила платье до пола и обруч в волосах. Родом Марфа была из Сибири. Родители ее принадлежали к секте духоробов, отвергали достижения прогресса и ждали пришествия Ярилы. Маленькую Марфочку уберегли от адской прививки, так что она жила бестолочью с самого своего рождения.

В аудитории собралась их обычная группа. Каждый сел на стульчик со своим именем, написанным на спинке. Стулья

стояли полукругом, Анастас оказался между Ольгой и рыжим Тикиляйненом. Марфа Венцеславовна приоткрыла окно, пустив в комнату свежий воздух.

– Доброе утро, дорогие мои! – сказала Марфа, раздвигая короткую телескопическую указку. – Что новенького прочли?

– Можно я! – поднял свою длинную руку Пророк.

– Роберт Захарович, напоминаю, что на прошлом занятии я наложила на вас заклятие рыбы! За плохое поведение и выкрики с места, помните? Пынь! – Марфа взмахнула указкой, словно волшебной палочкой.

– Хе-хе, псих, – прошептал Тикиляйнен и подмигнул Анастасу.

– Герман, давайте начнем с вас, – сказала Марфа Тикиляйнену.

– Я ващет не умею читать, – сказал Тикиляйнен, вскочив с места. – Учусь-учусь и чот никак.

– Вы же у нас на особом контроле? – нахмурилась Марфа, надевая очки со встроенным викификатором, в котором она хранила все свои записи.

– Натурально, – сказал Тикиляйнен. – Аппнули кислого и получили свояка. Меня на кукане припатчили, типа я фракташкой обрисовался, а я просто вички свопил, при чем тут фракташка-то ваще?

– Садитесь, Тикиляйнен, – махнула на него указкой Марфа. – У вас уже два привода за нейт-наркотики были, а вам

всё мало. Не выучите буквы, я вашему свояку все пруфы оттолкаю, никакие свопнутые вички не спасут. Налагаю на вас заклятие ума! Пынь! Умнейте уже.

– Я с Марфы ваще отклячиваюсь, отвечаю! – шепнул ухмыляющийся Тикиляйнен Анастасу.

– Анастас, что у вас? – спросила Марфа.

– Стихотворение «Лучше дела не найти!» – сказал Анастас, поднявшись.

– Я – столяр! Чудесная у меня профессия! – с огромным воодушевлением сказала Марфа и закружилась по комнате, огибая стулья. – Рамы, двери, табуреты, полки, тумбочки, скамьи – очень важные предметы руки делают мои! – Марфа повисла на хрустнувшей оконной раме. – Как вам это стихотворение?

– Ну... Ничего так, – кисло сказал Анастас. Он потратил на его чтение целый вечер.

– Вы визуализировали предметы? Представляли их в уме? – тревожно спросила Марфа.

– Я старался. Но я не все их видел, – сознался Анастас.

– Налагаю на вас заклинание внимательности! – Махнула волшебной указкой Марфа. – В нашей библиотеке есть множество каталогов. Сегодня же посетите ее!

– Хорошо, – ответил Анастас, усаживаясь на стул.

– А теперь Ольга. Ольга, я смотрю вы с книгой? Что вы прочли?

– Федерико Гарсиа Лорка. Романс об испанской жандар-

мерии.

– Какие сложные стихи, – сказала Марфа. – Помните что-ни...

– О, звонкий цыганский город! Ты флагами весь увешан! Желтеет Луна! И тыква! Играет настой черешен! И кто увидел однажды – забудет тебя едва ли! Город имбирных башен. Мускуса. И печали...

– Я ваще не воткнул, о чем это, но красиво! – одобрил Тикиляйнен.

– Спасибо, Ольга. Вы представили себе всё это?

– Да. Я представила.

– Выйдите сюда и попробуйте рассказать нам, что же вы увидели. – Марфа уселась на освободившийся стульчик и взмахнула указкой. – Налагаю на вас заклятие красноречия! Пынь!

Ольга вышла вперед, повернулась лицом к стульчикам, спрятала руки за спину и посмотрела на Марфу исподлобья. Анастас обратил внимание, что Ольга, придя с завтрака, успела сделать прическу. Волосы ее были собраны большим пучком на макушке и закреплены в виде неопрятного куста белой заколкой. Анастас удивился, откуда она добыла заколку, но потом сообразил, что это пластиковая вилка, которые им дают в столовой.

– Марфа Венцеславовна, – попросила Ольга. – Снимите с меня заклятие красноречия, пожалуйста, а то я репетировала и боюсь постороннего вмешательства.

– О! Ну конечно, Ольга! Ыньп! Заклятие красноречия снято.

– И еще, вы обычно просите, чтобы все закрывали глаза...

– Группа! Налагаю на всех, кроме Ольги, закливание крота!
Закрывать глаза и внимательно слушать!

Анастас послушно закрыл глаза и оказался в темно-красном сумраке. Справа скрипнул стульчик Тикиляйнена. Слева хрустнул суставами Пророк, потом осталась тишина, в которой зазвучал голос Ольги.

– Мы находимся на центральной площади старинного города. Вечер. По булыжной мостовой скачет лошадка, тащит за собой повозку. Цок-цок! Цок-цок! Стучат подковы. В повозке сидит Цыганская Невеста, одетая в пестрое платье. На шее у нее висит монисто – ожерелье из медных и серебряных монеток. Цинь-цинь! Звенит монисто...

В городе начинался праздник. Багровые, синие, желтые и зеленые флаги поднимались над четырьмя башнями, сторожащими площадь с фонтаном. В розовом вечернем свете башни с многочисленными оконцами, резными створками, ажурными балконами и балюстрадами, казались сделанными не из кирпича, а из пряников. Несмотря на то, что Солнце еще не покинуло небосвод, там уже царствовала Луна, огромная и желтая, злая, обещающая беды маленьким людям, собравшимся на площади.

Визгливо пели маленькие скрипочки, аккордеон и деревянные дудки. Бум-бумкал тугой барабан, звякали медные

тарелки. Вокруг фонтана с облупившейся замшелой статуей кружились в танце смуглые люди. Над головами передавали квадратные бутылки со сладкой настойкой. Звучал пьяный смех. Вскипали молниеносные драки. Какой-то шутник бросил в фонтан тыкву, она достигла дна, а потом тяжело закачалась на волнах, большая и желтая, как и Луна в быстро гаснущем небе. К городу приближалась стремительная тьма...

Майя была похожа на аккуратненькую, чисто вымытую свинку. Она носила короткую стрижку. В отличие от Пророка, Ольги и Тикиляйна, Майя никогда не нарушала распорядок «Опоры Жизни». Ей очень хотелось поскорее закончить курс реабилитации и вернуться в нормальный мир. С ее диагнозом, транзиттерной полинейропатией, вероятность благоприятного исхода была довольно велика.

– В детстве бабушка кормила меня голубцами, – сказала Майя. – Ты ел голубцы?

– Ел, – кивнул головой Анастас.

– Я разрезала капустный лист, выедала мясо, а потом собирала всю капусту, заталкивала ее в рот и запивала компотом. Главное было – не думать, что у тебя полон рот вареной капусты, а то могло стошнить.

На обед сегодня были тефтели с рисом, тыква на пару и витаминный салат. Майя ела размеренно, тщательно пережевывая каждый кусок.

– Мозгоеды с Марса! – возвысил свой голос Пророк из-за

соседнего столика. – Поняли, да?

Пророк никогда не приближался к Майе, потому что однажды получил от нее «по бубенцам» в коридоре возле спортивного зала, в серой зоне, которую не было видно с камер наблюдения.

– Так вот и с этими книгами, – сказала Майя. – Проглотить поскорее, пока не это самое. Витамины для мозгов. Жуй-жуй-глотаЙ.

Почему-то она кружила возле Анастаса с первого дня его появления в «Опоре Жизни». Его диагноз был всем известен, он считался безнадежным, так что никакой практической пользы от него не было. Анастасу казалось, что она просто ищет его одобрения. Без десяти минут врач как-никак. Без десяти минут, да.

– Ты молодец, Майя, – сказал он. – У тебя какой индекс Гофмана?

– Ноль шестьдесят три, – сказала она.

– Ну здорово. До ноль семи додолбишь, и выпишут тебя отсюда.

– Можно? – спросила Ольга, подошедшая со спины.

– Можно, – ответил Анастас.

Она села рядом с ним, достала растрепанный томик без обложки, наколола вилкой кусок тыквы и замерла с открытым ртом – глаза в книгу.

– Жду – не дождусь, – сказала Майя отодвигая тарелку и принимаясь за ягодный морс. – Вообще не понимаю, как

можно получать от этого удовольствие? – она посмотрела на Ольгу.

Ольга, не поднимая глаз, сунула в рот тыкву и вжала голову в плечи, делая вид, что вся она поглощена своей книгой без обложки.

– Вот тебе нравится читать? – спросила Майя.

– Я знаю, что без этого у меня вообще никаких шансов, – сказал Анастас.

– Для меня слова «читать» и «чесать» – одинаковые, – сказала Майя. – Почесушка мозга, скажи? Скорее бы до ноль семи да уехать домой. Я логистиком работаю, в Питерском порту – пропускная способность шесть миллионов «ти-ю» в год!

– Ого, – сказал Анастас.

– Ладно, увидимся, у меня процедуры, – сказала Майя, допив морс.

– Почесушка? – спросила Ольга, поднимая глаза.

– Да. А что? – ответила Майя, моментально подобралась.

– Ты вся такая рациональная, – сказала Ольга. – Чешешь, если чешется. Глотаешь, если полезно...

– И тебе рекомендую так делать, – ответила Майя.

– А еще ты вынюхиваешь и постукиваешь, – сказала Ольга.

Майя поднялась, одернула спортивную мембранку и пошла относить посуду. Анастас заставил себя съесть тефтелю.

Его слегка мутило, в зеркале утром он долго рассматривал обложенный язык. Ольга отложила книгу и посмотрела на Анастаса.

– У тебя заколка из вилки? – спросил он.

– Что? – смутилась Ольга, положив руку на волосы.

– Заколка, говорю... Как у тебя получается согнуть? Они же ломкие.

– Да. На ночь оставляешь в воде, а утром гнешь, как тебе надо, – быстро сказала Ольга, обегая глазами лицо Анастаса. – Только тебе ведь не надо.

– Точно. Что читаешь?

– Тебе разве интересно? – спросила Ольга, спрятав книгу под стол.

– Ну... Я лечусь. Надо читать.

– Ага, читать, – она сунула тефтелю в рот и сказала. – Пфтопофы и пины...

– А что тут такого?

– Ничего.

– Какая разница, что читать?

– Никакой.

Анастас отодвинул тефтели и взялся за витаминный салат. Еда казалась пресной и унылой, словно он жевал какой-то муляж или даже протез еды. Остро захотелось чего-нибудь настоящего, живого. «Играет настой черешен!»

– Мне понравилось то стихотворение, которое ты сегодня пересказывала, – сказал Анастас.

– Да ну? – удивилась Ольга. – Там даже ни одной табуретки нет. Не говоря уже о рамах.

– Ничего этого не было в стихе. Ни Цыганской Невесты в монисто, тыкву в фонтан тоже никто не кидал. Да там и фонтана не было.

– Не говори больше: «в стихе», ладно? – поморщилась Ольга. – Что же до мониста и прочего... Было там всё. Было. Хороший поэт как бы стоит внутри комнаты, где идет сказочное представление. И он открывает нам штору, чтобы мы тоже могли посмотреть.

– Кому это – нам?

– Нам всем. Умникам и дуракам, которые стоят возле окошка на морозе.

Ольга захрустела огурцом и снова достала книгу из-под стола. Перед их столом появился рыжий Тикиляйнен с подносом. Не дожидаясь приглашения, он сел напротив Ольги и протянул ей свой стакан морса.

– С праздником, – сказал Тикиляйнен, шумно принимаясь за еду.

– Спасибо, чувак! – улыбнулась Ольга.

– А какой сегодня праздник? – спросил Анастас.

– Молчи, Герман! – сказала Ольга Тикиляйнелу. – Сегодня день лечебного стиха.

Анастас встал, собрал тарелки на поднос и пошел к выходу. В своей комнате он принял душ и умылся. Наручный браслет мягко зазвенел и показал закольцованный мультик с

детишками, радостно прыгающими вокруг песочницы. Для тех, кто умел читать, ниже было написано крупными буквами: «ПРОГУЛКА».

Миновав внутренний двор, Анастас оказался в большом старом парке. Свободных самокатов не оказалось, так что он пошел прогуливаться пешком. За два месяца своего пребывания в «Опоре Жизни» он так и не исследовал парк до конца. Анастас дошел до небольшого пруда, затянутого тонкой коркой льда. Подо льдом различалось темно-серое дно, усыпанное бронзовыми дубовыми листьями и черными желудями. Над водой с тихим стрекотом висел больничный квадрокоптер, бдительно следя, чтобы никто не полез купаться.

На противоположной стороне расхаживал Пророк. Нога у него не гнулась, походка его была похожа на перемещение циркуля «козья ножка». Рядом с ним послушно шел какой-то низенький толстячок, которому Пророк навешивал свою марсианскую лапшу целыми половниками. Анастас торопливо отошел от пруда и двинулся по садовой дорожке в сторону кирпичной башенки, которую он заметил еще вчера, но не успел как следует разглядеть.

Башня оказалась высокой, шестигранной, сложенной из замшелого кирпича. Дверь была намертво заколочена, ближайшее круглое окно слепо смотрело на мир с высоты в два человеческих роста. Под крышей виднелась надпись, выложенная из желтого кирпича: «1826». Почти три века башен-

ке. Анастас обошел кругом, пытаясь понять, для чего она предназначена. Ее явно строили не один день и даже не один месяц, вдумчиво поднимая стены, сводя дверной проем крутой кирпичной аркой, выкладывая совершенно ненужные, но красивые ниши.

Пророк вон гоняется то за демонами, то за инопланетянами, а тут вот прямо под носом торчит строение, возведенное совершенно чужим разумом.

Анастас миновал башенку и углубился в парк. Шел он долго, пока не уткнулся в высокую сетчатую ограду, заросшую жесткими кустами с мелкими сиреневыми цветочками. На бетонном парапете ограды стояла банка от пастилы «Нямла Тройной Взрыв Вкуса», в баночке лежали раскисшие окурки. Анастас пошел обратно к корпусу. На подъездной дорожке его догнал Тикиляйнен на самокате. Он сунул Анастасу свернутый клочок бумаги и умчался дальше. За ним тревожно барражировали два квадрокоптера – рыжий обормот был под особым присмотром.

Анастас развернул клочок бумаги и прочитал, с трудом разбирая стремительный почерк:

Анастас! Извини, если обидела тебя на обеде. Приглашаю тебя на мой день рождения. Сегодня в 23:00, после проверки, в библиотеке. Не бойся дежурного – с ним обговорено. Надень фрак. (Шучу). Записку эту съешь. (Тоже шучу).

А может, и нет.

Ольга

Анастас миновал коридор и тихо спустился по двум пролетам лестницы. Библиотека «Опоры Жизни» располагалась в подвале. Дверь оказалась не заперта. Анастас вошел в библиотеку, мысленно радуясь, что разминулся с дежурным. Верхний свет был выключен, горели только маленькие лампы над читальными столами. В библиотеке он был совершенно один. «Шутка!» – рывкнуло в голове у Анастаса. – «Юмористы!»

– Чего стоишь? – спросил его голос из-за спины.

Анастас, вздрогнув, обернулся. На маленьком диване около стены сидел дежурный, сложный и вредный *дед*, бывший мичман-подводник по прозвищу Мухоморыч. Он сделал сложный жест рукой, вероятно, открывая какую-то программу в нейте, и сказал:

– Я вас по браслетам всех вижу, сукиных детей. Все уже пришли, одного тебя где-то носит.

– Я... просто...

– Я тоже не сложно, – оборвал Мухоморыч. – Иди в подсобку, там они.

В подсобке было тесновато от книжных стеллажей. Кто-то поставил на пол туристический фонарь, который светится после встряхивания, и казалось, что горит маленький костер. Вокруг фонаря, скрестив ноги по-турецки, сидели Ольга, Тикиляйнен и неизвестная Анастасу женщина в одежде

персонала. Пророк, у которого одна нога не гнулась, подпи-
рал стеллаж.

– Добрый вечер, – сказал Анастас. – С днем рождения,
Ольга.

Он неловко вытащил из кармана пластиковую трубочку от
пентазина, внутрь которой ему с большими предосторожно-
стями удалось вложить три сиреневых цветочка, найденных
в парке во время прогулки.

– Ой, спасибо тебе! – обрадовалась Ольга, вскочила, пе-
реступила через фонарь и поцеловала Анастаса в щеку.

– Ого, ловкач! – уважительно сказал Тикиляйнен. – А я,
главное, тоже видел растительность эту, но не смикитил!

– Так. Германа ты знаешь, Пророка тоже. А это – Софья.
Она работает в столовой.

– Очень приятно, Анастас.

– Она – жена Мухоморыча. Типа наш агент у свояков, –
пояснил Тикиляйнен.

Софья достала из-за спины небольшую коробку, постави-
ла ее рядом с фонарем и открыла. В коробке оказался наре-
занный на аккуратные ломти пирог. Рядом с коробкой Со-
фья поставила термос и четыре пластиковые чашки.

– Вот, Ольга, ребята, – сказала Софья. – Это лимонный
пирог и кофе. Оленька, дорогая, с днем рождения тебя!

– Спасибо, Софочка! – обрадовалась Ольга. – Налетай, ре-
бята! Этот лимонник стоит того, чтобы съесть его горячим!

Софья разлила кофе по чашкам и протянула куски пирога

Анастасу и Пророку, а Тикиляйнен схватил пирог сам. Лимонник действительно оказался очень вкусным, и Анастас подумал, что это первая за месяц еда, которую он съел с аппетитом. Тикиляйнен достал из кармана маленькую пластиковую фляжку и протянул ее Ольге:

– С днюхой еще раз! Будь счастлива!

– Это что? – удивилась Ольга.

– Чистейший медицинский спирт! – с гордостью сообщил Тикиляйнен. – Смиксованный с чистой водой из-под крана один к одному!

Фляжка пошла по кругу и каждый сделал из нее маленький глоток. Пророк подошел к Ольге сзади и опустил ей на голову шапочку, сделанную из фольги. Сверху эта шапочка сходилась в длинную пипку, так что вся конструкция была похожа на богатырский шлем.

– С днем рождения, Ольга, – сказал Пророк. – Хотел бы я сказать, что это вот мое личное изобретение, так не скажу – умные люди до меня изобрели. Самая надежная защита от мозговых лучей, самая!

– Спасибо, Пророк, – сказала Ольга, поднялась и поцеловала старика. – Я, конечно, во всю эту херню с мозговыми паразитами не верю, но буду иногда надевать.

– Не верь, – разрешил растроганный Пророк. – Она всё равно работает как надо.

Глаза привыкли к полутьме, и Анастас понял, что стеллажей тут гораздо больше, чем в основной библиотеке. И все

они были плотно забиты книгами. В воздухе витал сладковатый запах бумажной пыли.

– Тут очень много книг, – сказал Анастас. – Почему их не выставляют в библиотеку?

– А зачем? – спросил Пророк.

– Ну не знаю... Их же зачем-то печатали?

– Тех уж нет, для кого их печатали, – грустно сказал Пророк. – Как в тридцать восьмом мозгового паразита придумали, так и стали вымирать...

– Таких, как мы, на Земле осталось чуть больше половины процента, – сказала Ольга и потрясла фонарь, чтобы горел поярче. – Раньше слепых было больше.

– Зато теперь нет слепых, – сказал Анастас. – С помощью TALCH могут видеть даже слепые от рождения.

– Зато теперь есть мы, – мягко сказала Софья.

– Не скажу за всех, но лично мне было очень хорошо в том мире, где меня теперь нет, – сказал Анастас, почувствовав, что у него покраснели от злости уши. – Я общался, развлекался... Да и черт бы с ними, с развлечениями этими! Я учился на врача! Хочу быть врачом, хочу спасать людей! И я прорвусь обратно, мне тут плохо!

– А я хочу удалбываться нейт-стаффом, – сказал Тикиляйнен. – Человек рожден для счастья, мне в прошлый раз даже Марфа говорила.

– Мозговые паразиты! С Марса ли, из ада ли... Вот я сейчас расскажу...

– Подожди, Пророк, стой! – сказала Ольга.

Она подошла к Анастасу близко-близко и посмотрела на него снизу глубокими черными глазами. Ни одна девушка не приближалась к нему так. Ни одна девушка не смотрела на него так. Он чувствовал ее дыхание, запах, даже тепло ее тела. У него, конечно, были виртуальные подружки, с которыми он пынькался в нейте, но именно так, именно пынькался, забавлялся. В Ольге было что-то исконное, от Евы. Что-то от той кирпичной башни, которую складывают на столетия. Совсем некрасивая, не его типа, шапочка эта идиотская из фольги, брови такие густые, что едва не срастаются... Но желанная до дрожи, до искр из глаз, до собачьего скулежа...

– Анастас, есть только человек, – прошептала Ольга. – Остальное – наносное, финтифлюшки. Вы пьете стихи, как витаминки, улучшающие мозговую перистальтику, а ими воскрешают мертвых.

– Столько пафоса, – пробормотал Анастас. – Меня сейчас стошнит.

Ольга встала на цыпочки и поцеловала его в губы, долго, жарко.

– А теперь? – спросила она.

– Этот новенький просто жжот! – возмутился Тикиляйнен. – Только агнулся, а уже обрисовали!

– Он придет к нам, придет, – сказал Пророк. – Да будет проклят прогресс!

– Прогресс не остановить, – сказал Анастас.

– А вот и нифига! Остановить! – вскочил Тикиляйнен. Он выхватил из кармана пластмассовую вилку и взмахнул ей, как волшебной палочкой. – Налагаю на прогресс заклятие мороженой улитки! Пынь!

Фонарь едва тлел, так что можно было и не закрывать глаза. Ольга читала стихи тихо-тихо, едва слышным шепотом, но от ее голоса приподнималась штора в той самой комнате, за окнами которой шел праздник. Анастас видел высокий холм, заросший оливковыми деревьями, но вытоптаный на плоской вершине. Деревья клонились ветвям к поверхности небольшого пруда, рядом с которым была выстроена башенка с цифрами «1826» под деревянной крышей. Окончилась похоронная служба, из часовни расходились люди, одетые в длинные плащи. А на крыше часовни, равнодушный к суете людей вращался флюгер. Вращался денно, вращался ночью, вращался вечно...

Он проводил ее до комнаты и поймал за руку, когда она открыла дверь. Ольга обняла его, потом оттолкнула:

– Завтра, – сказала она. – Завтра...

Ольга не появилась на завтраке и не пришла на занятия. Ее не было на обеде и на прогулке. Она не появлялась в библиотеке и на ужине. Ее комната стояла пустой и открытой нараспашку, как при обыске. Тикиляйнен ничего не знал. Пророк ничего не знал. Софья рассказала, что за ней приезжала полиция.

Целый месяц Анастас читал стихи и до боли в голове пытался заглянуть в то окошко, которое Ольга открывала не только для себя, но и для других. Иногда ему удавалось ухватить сказку за пестрый хвост, но чаще он видел что-то вроде запыленного склада, забитого никому не нужным хламом.

Через месяц он прошел тестирование и набрал ноль целых тринадцать сотых балла. Он был признан абсолютной и неисправимой бестолочью.

Парни из новеньких поставили пластмассовую кадку посреди столовой. Мухоморыч притащил мешок модифицированной почвы и засыпал кадку до половины. Явилась предпраздничная Марфа, посадила в кадку шишку и наложила на нее заклинание Гулливера. Ёлка проклюнулась через минуту и пошла в рост с такой скоростью, что хруст стоял. Вылили шесть ведер воды, пока она не уперлась в потолок.

Анастас сидел в кресле и смотрел за окно, где сеялся с неба ледяной дождь, под которым раскисали дорожки и медленно, но верно умирал снеговик. Где-то там, в сыром парке, стояла непонятно для чего сделанная башенка. И она будет стоять так еще три сотни лет. И никакой флюгер ей не нужен.

На его коленях лежали пять конвертов.

Первое письмо извещало уважаемого г-на Клиента(тку) о том, что Страховая Компания (далее СК) предлагает Клиенту(тке) перейти на самостоятельную оплату своего пребывания в реабилитационном центре «Опора Жизни», поскольку

долг СК перед Клиентом(ткой) будет окончательно погашен 10 января следующего года. С уважением, здоровья Вам и счастья!

Второе письмо было от мамы. Анастас решил открыть его последним, потому что прекрасно понимал, что в нем увидит.

Третье письмо было от Тикиляйнена. Даже не письмо, а открытка с изображением угрюмого здания и припиской: «Колония «Новый Путь». Мы перековываем людей!»

Четвертое письмо было от доктора Н. Э. Вокина.

Добрый день, Анастас.

Я наводил о тебе справки и выяснил две вещи. Первую – что ты упорствуешь в своем безумии. Вторую – что денег у тебя больше нет. Поэтому делаю предложение, на которое согласишься только ты. Мой коллега, доктор Мотидзуки, разработал методику, позволяющую провести операцию полной замены TALCH. На моделях всё отработано отлично, но на живом человеке – сам понимаешь...

Если всё получится – получишь назад свой трансмиттер, а Мотидзуки получит мировую славу. Если же не получится, то терять тебе всё равно больше нечего. Билеты заказаны, приезжай.

Н.Э.В.

Пятое письмо было от Ольги. Анастас не открыл его в этот Новый Год, не открыл его в тот день, когда сел в поезд до Владивостока. Не открыл его, сидя в самолете, летящем в

Токио. И в Токио, перед операцией, он не открыл его тоже, решив для себя прочитать письмо, когда всё закончится. Или не прочитать вовсе.

Она сидит на лавочке в жидкой тени масличного дерева, ствол которого больше похож на порождение животного, а не растительного мира. Раздолбанный автобус приезжает сюда трижды в день. Выходят редкие пассажиры, которых она выучила наизусть. Водитель в белоснежной рубашке отправляется пить кофе, а его автобус еще долго кряхтит, фыркает и поскрипывает.

Приходит рыжая собака, вываливает язык, ложится неподалеку от нее. Она снимает туфли и гладит собаку ногами. Им обоим это нравится.

Она смотрит на часы, висящие над автобусной остановкой, такие же старые, как и всё вокруг. В колышущемся мареве показывается синяя морда автобуса с надписью «ALSA» на лбу. Он доезжает, останавливается и открывает двери.

Из него выходят две старушки в черном. Юная девушка в огромных наушниках. Прямой как жердь *дед* с маленькой собачкой в руках.

И когда она встает, понимая, что день опять прошел впустую, из автобуса выходит парень, слишком бледный для местного климата.

От горной часовни доносится полуденный звон.

В полном безветрии начинает вращаться флюгер.

Елена Клещенко. Призыв

Казенный конвертик в колонке новых писем, на самом верху. Сердце ухнуло в пятки, но правильный порядок действий сам высветился, как напоминалка из записной книжки: «Ни в коем случае не кликать на него – запустить ту программку, быстро, пока не сгенерилось и не ушло уведомление о получении».

...Так, вроде успела. Марго для верности сразу закрыла почтовый клиент и выключила эском. Пальцы крупно дрожали. Ничего, повестки больше нет, пропала повестка, я ничего не получала. Теперь еще есть пара дней или даже неделя. Сколько они будут ждать, прежде чем пришлют вторую? Или сразу сами придут?

Марго не курила, но в такой отчаянной ситуации это было просто необходимо. Сигареты, пепельницу и зажигалку пришлось стырить у мамы. Неумело щелкнула раз, другой, пламя подросло, обожгло пальцы. Марго расплакалась.

Ну и что, я ведь этого ждала, сказала она себе – и соврала. То есть она вроде как соображала, что деньрождениице было в июне, что стукнуло ей, Марго, восемнадцать, а последний тест на интеллект показал 120, что дизайнерский колледж отсрочки не дает и вообще никаких отмазок у нее нет. Повестка из военкомата, уведомляющая о необходимости явиться для прохождения вычислительной службы, бы-

ла неизбежна. Все это Марго помнила и понимала, даже пыталась говорить с матерью, и все равно проклятый зеленый конвертик на официальный «паспортный» адрес упал как кирпич с ясного неба.

Почему я такая легкомысленная дура? Потому что все плохое случается не со мной, даже если это плохое записано в законе. Потому что экзаменационные тесты я прошла на ура, в десятке лучших, и препод на архитектуре сайтов сказал, что я перспективная. (Зачем они все так говорили, как будто не знали о призыве?! Наверное, просто не сомневались, что я сумею откосить, как умная.) Потому что осень и желтые листья. Потому что Родион заплатил за меня в кофейне и проводил до метро... Самому-то Родиону родители сделали справку о каких-то эпилептоидных симптомах. Он говорил, что это верняк на двести процентов, что для армейских компьютеров его теперь нет, а никакого отношения к настоящей эпилепсии эти симптомы, даже если бы они по правде были, не имеют.

Хорошо всем, у кого предки хоть что-то соображают! Вспомнив материно «там из тебя человека сделают», Марго возрыдала с новой силой. Интересно: из-за всякой ерунды она прямо ну так переживает – на полчаса телефон в эскоме выключишь, потом неделю дуется и попрекает! А где любой нормальный человек своего ребенка бы спас... Или она специально хочет от меня избавиться хоть на два года, чтобы со своим Гошей тут жить, и я бы перед глазами не маячила...

Нет, стыдно так про маму. Ну почему все-таки, когда реально нужна ее защита, то ни фиги и все приходится делать самой?!

Сама для себя Марго пока что сделала немного: два месяца назад отыскала в Сети портал «Коси, коса – Girls Vs. Army». Поизучала, что там лежало, – выдержки из законов, образцы заявлений и каких-то исков (вообще ничего не понятно), ответы на часто задаваемые вопросы (да-а, у меня – никаких уважительных причин ни по медицинской, ни по семейной линии), погуляла по форумам и чатам. Хотела посоветоваться, с чего лучше начать, но тут экзамены, потом Родион...

Так или иначе, про то, что делать с первой повесткой, Марго узнала как раз на «Косе», оттуда и программку Letter-Eater скачала, чтобы потерять из почты повестку. Стоп реветь, ну-ка, где там закладочка? Может, чего подсказут? Не первая же я!

Окошко шустро оплелось по краям золотистыми, русыми и черными косами. Ага, вот и тема «призыву нет?». Десяток посетителей, среди них пара знакомых по прошлым визитам. Одна, с самокритичным инком Крыска, снова доводила до общего сведения, что она твердо решила косить через беременность и осталось только определиться с выбором отца. Ту же песню она пела в июле – видно, с кандидатами в отцы было негусто. Хотя какой-то Вуглускр отвечал Крыске двусмысленно и кокетливо. Но, может, он жил далеко от нее и

ничем не рисковал. Или сам был девушкой.

Кстати, мама потому сама и не служила, что у нее уже была в проекте Марго. Она-то не специально это сделала, просто иногда такое случается. А что, было бы круто: мам, хорошая новость, ты бабушка... Некоторое время она злорадно представляла, как это могло бы быть. Просто чтобы душу отвести. Может, Марго раньше и думала про Родиона в этом смысле (никого не касается, думала или нет), но уподобляться Крыске не хотелось абсолютно. И потом – тогда, наверное, придется повторить и мамину, с позволения сказать, карьеру, а это выглядело в целом не менее мрачно, чем армия.

Марго застучала по клавиатуре.

** систерс энд бразерс, меня высветили! (Плачущая рожца.) поможи-ите! в генпаспорте есть предрасположенность к сердечно-сосудистым заболеваниям, с этим можно что-то сделать?*

В ответ высыпала стая кривых смайлов с высунутыми языками.

буа-ха-ха!

Margoоо, вы делаете мне смешно

у меня вторая степень инвалидности, опо-двига, и то скоро поеду голову брить

Девочка, предрасположенность – еще не болезнь. Тем более к мозгам отношения не имеет. Им вообще пох, если что-то болит или не шевелится. Им головы нужны.

** поняла, поняла, спасибо всем*

да ладно, не плачь, всюду жизнь, как говорил писатель Ярошенко

Крыса, шла бы ты в свою клетку! Марго, надеюсь, время у тебя еще есть?

Спрашивала Поляница – дама авторитетная и справедливая. Имелся в виду Letter-Eater.

** а то! – гордо ответила Марго.*

молодец! теперь главное – спокойствие, учишься?

** дизайн*

мдя. деньгами богата?

** как все*

еще раз мдя. мама-папа?

** только мама, сисадмин в гипермарке со здоровьем у мамы как?*

** ОК*

это в любом случае хорошо, а голову брить очень не хочешь?

** ну!*

внимание на монитор: ОЧЕНЬ не хочешь?

** очень, систер. я там подохну, сама откуда, если не секрет?*

** мск*

ну ты, главное, не грусти

И затем почти минуту от Поляницы ничего не было, только от Крыски упало три истерических вопля. Но ведь не просто так она спрашивала? Не лишь бы разговор поддержать?..

Надо подождать... Да! – в личке мигнуло приглашение в приват.

Марго, для москвичей есть одно решение. На крайний случай. Если найдешь любой другой выход, этим не пользуйся. Лови ссылку. Там голосовой чат, назовешь меня. Объяснять ничего не надо, они поймут. Это сообщение не забудь удалить по-умному.

** спасибо!!!*

Не за что. Удачи!

Ссылка выглядела странно, ни на что не похоже – цифры с буквами вперемешку, мелкая складочка в Сети, которая сегодня есть, а завтра разгладилась без следа. Марго навела курсор, но кликать не стала. «Если найдешь любой другой выход, этим не пользуйся». Криминал, значит.

С другими выходами, однако, было не очень. Марго прилежно облазила всю «Косу», вверх и вниз по прядям, то бишь по тредам. Толку ноль. Зашла в «Улисс». (Этот сайт назвали в честь легендарного героя, который впервые в мировой истории пытался откосить по кризе. Хотя злые прапора героя раскололи, доказали его вменяемость и пришлось-таки ему воевать с троянцами – прецедент был создан.) Хозяин ресурса, сам выступавший под ником Улисс, человек хороший, но бестолковый, поощрял рассказывание анекдотов и историй из армейского быта. Может быть, конечно, здесь и была полезная информация по части выживания с наимень-

шими потерями, но анекдоты и ужастики превалировали.

** Вычислительная служба – это тупо. Следующий шаг – землю кирками мотыжить вместо спецтехники. Я все понимаю, компьютеры денег стоят, а мозги призывников бесплатные...*

** Старишина у нас зверь. – Это что, вот у меня старишина баба. – Злобная? – Не приведи бог. Одни наряды на уме.*

** Это, по сути, не электроды, это транзисторы. В нервных клетках поток положительных ионов, в металлических проводниках – электронов, сигналы, секи, напрямую не могут протекать...*

** Рота! Шире шаг! Почему зад не поет?*

** Башку бреют каждую неделю. От электродов болячек нет, не верьте, кто будет говорить, они совершенно инертные. Зато мазь противная, не липкая, но склизкая...*

** В армии все, что ниже электродов, считается ж. пой. И правильно!*

** Шесть часов в день, не считая строевой подготовки. Потом думаешь, че ж я делал-то? и полный ноль. Главное ощущение – отсутствие смысла. А большие делать все равно нечего.*

** Ты чем тут занимаешься? – Рисую заставку для ротного сайта, товарищ прапорщик! – Ну-ну, рисуй... Моцарт.*

** Подключают посменно. Подъем по гудку, завтрак растворимый, в диализных пакетах. Потом бла-бла-бла: виртуальные звездные войны, [...] гражданская ответствен-*

ность, каждое [...] боевое действие, отработанное в виртуале, спасает тысячи жизней в реале, миллионы военных операций против потенциального противника, не претворенные в жизнь именно потому, что вашими силами... [...] Потом промывка мозгов уже в прямом смысле – подготовка к боевым действиям [...] Объяснять бессмысленно, с кем не было, тот не поймет. Память не совсем ошибается, но около того. Помнишь какую-то тетку, но не уверен, то ли это твоя мама, то ли не твоя, а дружбана, то ли вообще воспитательница из детского садика. Некоторым даже вставляет, ржут как кони...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.